В. Е. Романовскій.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ЭПИГРАФЪ.

«Смѣю сказать (если только позволительно такъ выразиться о самой себѣ), что я походила на рыцаря свободы и законности; я имѣла скорѣе мужскую, чѣмъ женскую душу, но въ томъ не было ничего отталкивающаго, потому что съ умомъ и характеромъ мужскимъ соединялась во мнѣ привлекательность весьма любезной женщины».

(Изъ зап. Имп. Екат. II).

ТИФЛИСЪ.
Спб. паровая типографія А. С. Федорова.
1896.

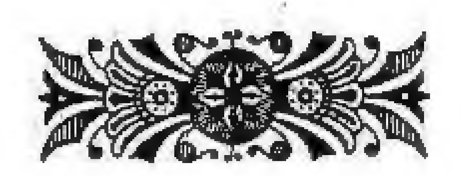

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 19-го сентября 1896 г.

Оглавленіе

Стр.

Опечатки.

Стран. 22, 2 стр. снизу: вмѣсто «leberum veto» слѣдудуетъ читать «liberum veto».

Предисловіе.

Желая почтить память великой русской императрицы по случаю 100-лѣтней годовщины дня ея кончины (6-го ноября), мы рѣшаемся выпустить въ свѣтъ настоящую брошюру. Находя неудобнымъ прерывать вниманіе читателя, мы не дѣлаемъ никакихъ ссылокъ на страницы тѣхъ книгъ, которыми пользовались.

Делижанъ. Августъ, 1896 года. *Составитель.*

I

Екатерина II до воцаренія.

Жизнь великой княгини Екатерины Алексѣевны при дворѣ Императрицы Елизаветы. Положеніе ея въ царствованіе Петра III. Переворотъ 28-го Іюня 1762 года.

21-го апрѣля 1729 года у принца Ангальтъ-Цербтскаго Христіана-Августа и жены его, Іоаганны-Елизаветы, происходившей изъ Голштинскаго дома, въ городѣ Штетинѣ, гдѣ принцъ, фельдмаршалъ прусской службы, былъ губернаторомъ, родилась дочь, получившая при крещеніи имя Софіи-Фредерики-Августы. Въ дѣтствѣ уже она поражала окружающихъ своими способностями. Сохранилось преданіе, что когда ей было 13 лѣтъ, одинъ каноникъ, упражнявшійся въ предсказаніяхъ и хиромантіи, сказалъ ея матери: „на лбу вашей дочери я вижу по крайней мѣрѣ три короны".

Будучи десятилѣтней дѣвочкой, она впервые познакомилась на съѣздѣ представителей Голштинскаго дома со своимъ двоюроднымъ братомъ, одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Петромъ-Ульрихомъ, внукомъ Петра Великаго отъ его дочери Анны Петровны. Никто въ то время, конечно, и не думалъ, что судьба молодой принцессы будетъ когда-нибудь связана съ судьбою этого маль-

чика и что имя ея прославится въ лѣтописяхъ великаго сѣвернаго государства.

Въ 1742 году императрица Елизавета Петровна вызвала Петра-Ульриха въ Россію и, желая сохранить русскій престолъ за потомствомъ великаго преобразователя, объявила его своимъ наслѣдникомъ. Два года спустя возникъ вопросъ о женитьбѣ великаго князя Петра Өеодоровича и тогда, при выборѣ невѣсты, вниманіе Елизаветы остановилось на принцессѣ Софіи-Фредерикѣ. Въ февралѣ 1744 года августѣйшая невѣста прибыла вмѣстѣ съ матерью своею въ Петербургъ и здѣсь приняла православіе, получивъ имя Екатерины Алексѣевны, а 21-го августа 1745 года совершилось бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ Петромъ Өеодоровичемъ. Въ то время ей было 16 лѣтъ

Положеніе ея при дворѣ Елизаветы Петровны было весьма тяжелое. Цѣлыхъ 15 лѣтъ провела она въ душной атмосферѣ придворныхъ интригъ. Среди придворныхъ у нея сразу же появились враги, во главѣ которыхъ стоялъ всесильный тогда канцлеръ Бестужевъ, недовольный уже тѣмъ, что выборъ императрицы палъ на Цербтскую принцессу, вопреки его планамъ женить, по политическимъ разсчетамъ, наслѣдника русскаго престола на саксонской принцессѣ Маріаннѣ, дочери польскаго короля и курфюрста саксонскаго, Августа III. Онъ имѣлъ въ виду съ помощью этого брака упрочить союзъ Россіи съ морскими державами, а также съ Австріей и Саксоніей для сдержанія Франціи и Пруссіи. Потерпѣвъ неудачу въ этой комбинаціи и зная, что бракъ наслѣдника съ принцессой Цербтской устроенъ его политическими противниками, онъ перенесъ непріязненное чувство и на Екатерину, стараясь уронить ее въ глазахъ императрицы. Девять лѣтъ спустя Екатерина при-

мирилась съ Бестужевымъ и прежній врагъ обратился въ преданнаго друга, но это примиреніе послужило только во вредъ Екатеринѣ, такъ какъ въ это время Бестужевъ не пользовался уже полнымъ довѣріемъ императрицы и былъ наканунѣ паденія. Вскорѣ онъ былъ преданъ суду, какъ государственный преступникъ. Его обвиняли въ томъ, что во время внезапной болѣзни Елизаветы Петровны онъ не исполнилъ нѣкоторыхъ важныхъ ея указовъ, что, разсчитывая на перемѣну политики въ случаѣ смерти государыни, онъ посовѣтовалъ фельдмаршалу Апраксину, только что одержавшему блестящую побѣду надъ прусскими войсками*), отступить, наконецъ, что онъ руководилъ заговоромъ, имѣвшимъ цѣлью измѣнить сдѣланное Елизаветой распоряженіе о наслѣдованіи престола послѣ ея смерти. Слѣдствіе обнаружило, что между Бестужевымъ и Екатериной шли дѣятельныя сношенія, что у нихъ существовала переписка, что, словомъ, Екатерина вмѣшивалась въ политику и была причастна заговору. Бестужевъ палъ и былъ сосланъ въ деревню. Екатерина въ глазахъ императрицы была скомпрометирована; ихъ отношенія, и безъ того натянутыя, испортились окончательно. Дошло до того, что Екатерина, не въ силахъ будучи выносить подозрительность и недовѣріе Елизаветы, окружившей ее шпіонами, однажды на колѣнахъ, со слезами умоляла императрицу отпустить ее домой, позволить ей навсегда удалиться изъ Россіи. Елизавета была растрогана; Екатерина осталась въ Россіи, но испорченныя отношенія уже не могли исправиться.

Окруженная придворными интригами, вѣчно находясь подъ подозрѣніемъ, не будучи въ состояніи по своему усмотрѣнію, свободно располагать своими симпаті-

*) Въ это время Россія въ союзѣ съ Австріей вела такъ наз. «семилѣтнюю» войну противъ прусскаго короля Фридриха II.

ями и антипатіями. постоянно опасаясь шпіонства, Екатерина въ то же время лишена была и семейнаго счастія. Мужъ ея отличался мягкостью и добротою сердца; но эта мягкость и доброта были не для нея и, кромѣ того, эти хорошія качества скрывались за грубостью и легкомысліемъ весьма плохо воспитаннаго юноши. О его воспитателѣ, Брюммерѣ, говорили, что онъ былъ болѣе способенъ воспитывать лошадей, чѣмъ людей. Грубый, полуневѣжа, его воспитатель не могъ внушить ему ни серьезнаго отношенія къ жизни, ни даже хорошихъ манеръ и приличнаго его сану обращенія съ окружающими. Слабый, болѣзненный, испорченный неправильнымъ воспитаніемъ, великій князь не могъ составить счастія здоровой, жизнерадостной, умной и любознательной дѣвушки, какою была Екатерина. Сдѣлавшись мужемъ, онъ въ сущности оставался ребенкомъ. Подвергаясь при дворѣ большимъ стѣсненіямъ и не имѣя хорошихъ руководителей, онъ скучалъ и старался избавиться отъ скуки, какъ могъ. И въ то время, какъ молодая жена коротала время за чтеніемъ научныхъ книгъ и лучшихъ произведеній французской литературы, особенно XVIII вѣка, онъ сближался съ пажами, егерями, даже придворными лакеями, устраивая съ ними безсодержательныя развлеченія: то онъ рядилъ своихъ слугъ въ мундиры и заставлялъ ихъ маршировать въ своей комнатѣ, то затѣвалъ маскарады съ танцами, то занимался дрессировкою собакъ, заставляя ихъ выть на весь домъ, то устраивалъ кукольныя комедіи и сраженія между игрушечными солдатиками. Кромѣ того, не обладая склонностью къ серьезному труду и самообразованію, онъ рано началъ привыкать къ вину. Но самое главное: онъ не любилъ своей жены; одинъ видъ ея, малѣйшее возраженіе раздражали его и вызывали его безхарактерную,

болѣзненную натуру на грубыя выходки; онъ не стѣснялся даже при постороннихъ оскорблять ее бранными словами; мало того, посторонніе люди, искавшіе его расположенія, позволяли себѣ рѣзко отзываться, въ его присутствіи, о великой княгинѣ. Онъ избѣгалъ даже оставаться съ ней наединѣ, предпочитая ей свои ребяческія забавы и сомнительнаго свойства интрижки съ фрейлинами.

Такимъ образомъ Екатерина долгое время должна была жить, замкнувшись въ самой себѣ, сосредоточившись на своихъ мысляхъ, которыми ей рѣдко съ кѣмъ удавалось дѣлиться. Но тутъ ей помогъ ея сильный, чисто мужской характеръ и ея замѣчательная любознательность. Здоровая ея натура все преодолѣла. Долгіе годы одиночества не пропали даромъ. Этотъ тяжелый періодъ былъ для нея школой жизни, въ которой закалился ея характеръ, развилось и окрѣпло ея міровоззрѣніе и выработались планы будущей дѣятельности. Она привыкла трезво, хладнокровно относиться и къ себѣ, и ко всему окружающему, привыкла обдумывать каждую свою мысль, каждый свой поступокъ, научилась узнавать людей, наблюдая ихъ мелкія и сильныя страсти, изучая скрытые мотивы ихъ ежедневной дѣятельности. Она присматривалась внимательно и къ событіямъ государственной жизни и научалась отгадывать затаенныя пружины въ явленіяхъ запутанной и хитросплетенной внѣшней политики. Здѣсь зародилась та замѣчательная проницательность, которая впослѣдствіи отличала ее, какъ правительницу. Въ это же время она усердно занималась самообразованіемъ, читала множество разнообразныхъ книгъ, развивая такимъ образомъ свой эстетическій вкусъ и добывая пригодившіяся ей впослѣдствіи теоретическія знанія въ области разныхъ наукъ, особенно же въ наукахъ политическихъ.

25-го декабря 1761 года императрица Елизавета Петровна скончалась. На престолъ вступилъ Петръ III.

Его кратковременное царствованіе, продолжавшееся всего только шесть мѣсяцевъ, ознаменовалось нѣкоторыми полезными мѣрами. Уничтожена была тайная канцелярія, погубившая за свое существованіе (съ Петра Великаго) не мало невинныхъ людей по недобросовѣстнымъ доносамъ; дворянство освобождено было отъ обязательной пожизненной службы; бѣжавшимъ изъ Россіи заграницу раскольникамъ разрѣшено было вернуться и селиться въ Сибири. Но при всемъ томъ Петръ III не пользовался расположеніемъ подданныхъ. Этому много содѣйствовала прежде всего та рѣзкая перемѣна во внѣшней политикѣ, которую онъ произвелъ сейчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ. При Елизаветѣ Петровнѣ, какъ мы говорили, Россія приняла участіе въ семилѣтней войнѣ противъ Фридриха II. Русскія войска дѣйствовали такъ успѣшно, что въ короткое время заняли почти всю восточную Пруссію. Фридрихъ II былъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Онъ нуждался въ мирѣ и, при желаніи, этотъ миръ можно было заключить на весьма выгодныхъ для Россіи условіяхъ; во всякомъ случаѣ Россія могла бы надолго задержать развитіе могущества сосѣдняго государства. Петръ III прекратилъ военныя дѣйствія и открыто призналъ себя другомъ, даже почитателемъ прусскаго короля, оскорбивъ такимъ образомъ патріотическія чувства своихъ подданныхъ, которымъ горько было сознавать, что русская кровь проливалась даромъ и что русскіе интересы принесены въ жертву интересамъ чуждымъ и даже враждебнымъ. Это общее недовольство открыто выразилось только по вступленіи на престолъ Екатерины. Въ одѣ на восшествіе ея на престолъ Ломоносовъ между прочимъ писалъ:

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странный оборотъ!..

Оскорбительно было для русскихъ людей и то явное предпочтеніе, которое государь оказывалъ нѣмцамъ, преимущественно же голштинцамъ, своимъ землякамъ. Голштинскіе офицеры, изъ которыхъ многіе на родинѣ были простыми капралами, составляли ближайшую его свиту и пользовались всѣми выгодами своего привиллегированнаго положенія въ ущербъ чистокровнымъ и заслуженнымъ русскимъ гвардейскимъ офицерамъ. Голштинскій отрядъ составлялъ привиллегированную часть гвардіи, занявъ мѣсто распущенной по домамъ елизаветинской Лейбъ-Кампаніи. *) Первенствующее значеніе во всемъ русскомъ войскѣ занялъ не имѣвшій ровно никакихъ заслугъ голштинскій принцъ Георгъ, своимъ грубымъ обхожденіемъ возбудившій ненависть къ себѣ всей гвардіи. Въ дѣлахъ государственныхъ и во внѣшней политикѣ главную роль играли приближенные къ государю нѣмцы; министры прусскаго короля имѣли въ Россіи большее вліяніе, чѣмъ русскіе дипломаты. Вся армія была озлоблена введенною по прусскому образцу мелочною дисциплиною и муштровкою, а также и новымъ, прусскимъ, обмундированіемъ. Къ гвардіи Петръ III относился съ презрѣніемъ и не скрывалъ этого, называя гвардейцевъ „янычарами“ и считая ихъ опасными для правительства.

Недовольно было Петромъ III и духовенство за ото-

---

*) Такъ назывался отрядъ гвардіи, составившійся изъ тѣхъ 300 гренадеръ, которые помогли Елизаветѣ свергнуть правительницу Анну Леопольдовну. Всѣ они получили дворянское достоинство и вотчины.

браніе монастырскихъ вотчинъ, за привлеченіе къ отбыванію военной службы священническихъ и діаконскихъ сыновей. Духовенство, кромѣ того, не довѣряло его преданности православію и старалось внушить это недовѣріе простому народу. Словомъ, въ первые же мѣсяцы новаго царствованія въ русскомъ обществѣ, во всѣхъ его слояхъ, а отчасти и въ массѣ простого люда накопилось значительное количество недовольныхъ элементовъ, которое увеличивалось тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше обнаруживалось полнѣйшее разстройство во всей правительственной машинѣ. Это разстройство,—и въ администраціи, и въ судопроизводствѣ, и въ финансахъ,—было слѣдствіемъ легкомыслія самого правителя, всѣ дѣйствія котораго вытекали не изъ опредѣленной политической системы, а или изъ минутныхъ увлеченій прусскими образцами, или изъ случайныхъ совѣтовъ окружающихъ лицъ. Петръ III часто на другой же день забывалъ то, о чемъ приказывалъ составить указъ. Для характеристики его правительственной дѣятельности приведемъ слѣдующій фактъ. Однажды, торопясь на пирушку и желая скрыть это обстоятельство отъ своей фаворитки гр. Воронцовой, онъ объявилъ, что будетъ цѣлую ночь со своимъ секретаремъ заниматься государственными дѣлами. Затѣмъ, уходя изъ дворца, онъ обратился къ секретарю съ такими словами: „напиши-ка тамъ какой нибудь указъ!“ Долго ломалъ голову секретарь, запертый въ кабинетѣ вмѣстѣ съ датскимъ догомъ, о чемъ бы написать. Наконецъ онъ вспомнилъ одинъ вопросъ, о которомъ много въ послѣднее время толковали при дворѣ, и написалъ указъ объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ.

Къ сожалѣнію, и образъ жизни Петра III нисколько не соотвѣтствовалъ его высокому положенію: и въ своей ежедневной жизни, и въ своемъ обращеніи съ окру-

жающими онъ, какъ утверждаютъ современники, „мало походилъ на государя“. Его склонность къ кутежамъ, въ компаніи грубыхъ голштинскихъ офицеровъ, не составляла тайны, да и самъ Петръ не скрывалъ ея. Всѣмъ были извѣстны и его отношенія къ гр. Воронцовой, съ которою онъ появлялся открыто, оказывая ей всевозможныя почести и намекая приближеннымъ на свое желаніе удалить жену изъ Россіи или заточить ее въ монастырь, а ея мѣсто отдать „Романовнѣ“, какъ называлъ онъ свою фаворитку.

Тяжело было положеніе Екатерины при такихъ условіяхъ. Она не имѣла никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, никакого вліянія на своего мужа. Мѣсто ея было уже фактически занято гр. Воронцовой, которая обращалась съ ней при встрѣчахъ весьма высокомѣрно. Мужъ попрежнему не стѣснялся оскорблять ее даже при постороннихъ. Приведемъ одинъ фактъ, наглядно рисующій ея ужасное положеніе въ то время. Когда праздновалось заключеніе мира съ Пруссіей, Петръ III за торжественнымъ обѣдомъ предложилъ тостъ за здоровье императорской фамиліи. Екатерина выпила этотъ тостъ, какъ и полагалось, сидя. Тогда Петръ приказалъ своему адъютанту спросить императрицу, зачѣмъ она не встала. Екатерина отвѣчала, что императорская фамилія состоитъ только изъ троихъ членовъ: изъ ея супруга, сына и ея самой, и потому она не понимаетъ, почему нужно было ей вставать. Когда адъютантъ передалъ этотъ отвѣтъ Петру, тотъ снова велѣлъ ему подойти къ Екатеринѣ и сказать ей бранное слово, ибо она-де должна знать, что двое его дядей, принцы Голштинскіе, также принадлежатъ къ императорской фамиліи, но опасаясь, чтобы адъютантъ не ослабилъ выраженія, самъ закричалъ Екатеринѣ это бранное слово, которое, разу-

мѣется, слышала большая часть обѣдавшихъ. Дѣло этимъ не кончилось. Вечеромъ въ тотъ же день Петръ III далъ приказаніе своему адъютанту арестовать Екатерину и только по настоянію принца Георга Голштинскаго это приказаніе было отмѣнено.

Слухи о такомъ жестокомъ обращеніи съ женою не могли, конечно, не распространиться въ обществѣ и вотъ постепенно всѣ симпатіи начинаютъ переходить на императрицу, которая въ глазахъ общества представляется окруженной ореоломъ мученицы. Горячая преданность народа Екатеринѣ еще болѣе усиливалась благодаря ея весьма тактичному поведенію. Никто усерднѣе ея не выполнялъ обязанностей относительно покойной императрицы, обязанностей, предписываемыхъ православною церковью; духовенство и народъ были этимъ очень тронуты. Она строго наблюдала праздники, посты и все, къ чему мужъ ея относился легкомысленно и къ чему народъ русскій привыкъ относиться съ благоговѣніемъ.

Въ началѣ іюня мѣсяца французскій посолъ Бретейль, внимательно присматривавшійся ко всему происходившему въ Россіи, доносилъ своему правительству: „Императрица обнаруживаетъ мужество; она любима и уважаема всѣми въ той же степени, какъ Петръ III ненавидимъ и презираемъ“.

Мало-по-малу около Екатерины сгруппировались всѣ элементы, недовольные императоромъ. Еще при жизни Елизаветы Петровны, незадолго до ея кончины, нѣкоторые вельможи, хорошо знавшіе характеръ и нравственныя качества Петра III, какъ напр. Ив. Ив. Шуваловъ и Н. Панинъ,—воспитатель великаго князя Павла Петровича,—предлагали Екатеринѣ свои услуги, разсчитывая добиться отъ императрицы согласія на удаленіе Петра изъ Россіи и на объявленіе Павла наслѣдникомъ

престола, а Екатерины регентшей; но Екатерина отклонила это предложеніе.

По смерти Елизаветы Петровны эти вельможи стали болѣе заботиться о своей безопасности, чѣмъ объ интересахъ государства. Но теперь, когда катастрофа представлялась всѣмъ неминуемою, многіе изъ петербургской знати, побуждаемые отчасти патріотическимъ чувствомъ и расположеніемъ къ Екатеринѣ, отчасти своимъ оскорбленнымъ самолюбіемъ и надеждой на улучшеніе своей карьеры при перемѣнѣ правительства, торопились стать на сторону Екатерины и дѣятельно агитировали въ ея пользу. Съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ ней теперь Н. Панинъ и малороссійскій гетманъ Кириллъ Разумовскій, проживавшій въ то время въ Петербургѣ и со дня на день ожидавшій своего отстраненія отъ должности, которую Петръ III уже обѣщалъ своему любимому адъютанту Гудовичу. Но единственную надежную поддержку Екатеринѣ могла оказать только гвардія, которую Петръ III не безъ основанія считалъ опасною для своего правительства. Недовольство гвардіи было извѣстно. Необходимо было это недовольство сосредоточить и сдѣлать изъ гвардіи послушное орудіе, которымъ можно было бы воспользоваться во всякую минуту. Здѣсь дѣятельную поддержку Екатеринѣ оказали многіе, боготворившіе ее, гвардейскіе офицеры, изъ которыхъ наиболѣе выдавались братья Орловы, Алексѣй и Григорій,—любимцы всего петербургскаго общества,—Пассекъ, а также и Потемкинъ, бывшій въ то время 17-ти лѣтнимъ гвардейскимъ унтеръ-офицеромъ. Съ ними Екатерина имѣла непосредственныя сношенія. Но помимо этого, гвардейская молодежь составляла кружокъ, во главѣ котораго стояла родная сестра фаворитки Петра III, Екатерина Рамановна Дашкова, урожденная Воронцова.

Это была страстная,, энергичная и предпріимчивая женщина, получившая прекрасное европейское образованіе и искавшая широкаго поприща для своей дѣятельности. Не столько преданная Екатеринѣ, сколько увлеченная перспективой широкой и славной общественной дѣятельности, она воображала себя единственной руководительницей заговора, главной виновницей наступающаго государственнаго переворота, отъ котораго ожидались неисчислимыя блага для Россіи и для русскаго общественнаго развитія. Во всякомъ случаѣ ею было много сдѣлано для пропаганды идеи переворота среди гвардейскихъ офицеровъ и среди высшаго петербургскаго общества.

Дѣло развивалось такъ успѣшно, что къ концу іюня между соумышленниками въ гвардіи считалось уже до 40 офицеровъ и до 10,000 солдатъ.

Въ это время Екатерина жила въ Петергофѣ, а Петръ III, со своимъ „голштинскимъ дворомъ“ и придворными дамами, веселился въ Ораніенбаумѣ.

Въ 6 часовъ утра 28-го іюня 1862 года Алексѣй Орловъ явился въ Петергофъ и привезъ оттуда Екатерину въ Петербургъ. Они подъѣхали прямо къ казармамъ Измайловскаго полка, гдѣ солдаты приняли свою государыню съ энтузіазмомъ и сейчасъ же ей присягнули. Отсюда она поѣхала къ Семеновскому полку, гдѣ встрѣтила такой же восторженный пріемъ, а затѣмъ въ сопровожденіи ликовавшихъ Измайловцевъ и Семеновцевъ явилась въ Казанскій Соборъ и здѣсь архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ, одинъ изъ ея ревностныхъ приверженцевъ во время торжественнаго богослуженія провозгласилъ ее на эктиніи самодержавной императрицей, а великаго князя Павла Петровича наслѣдникомъ россійскаго престола.

Петръ III, узнавъ о совершившемся, совсѣмъ потерялъ голову. По совѣту фельдъмаршала Миниха онъ со всѣмъ своимъ дворомъ отправился въ Кронштадтъ, разсчитывая пріобрѣсти въ немъ надежный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ операцій. Но было поздно. Гарнизонъ Кронштадта уже присягнулъ Екатеринѣ. Минихъ совѣтовалъ отправиться въ Ревель, оттуда въ Померанію, гдѣ еще находились русскія войска, стать во главѣ этихъ войскъ и двинуться на Петербургъ, но это предпріятіе было найдено рискованнымъ и совѣтъ престарѣлаго фельдмаршала былъ отвергнутъ. Рѣшено было войти въ переговоры съ Екатериной. Результатомъ этихъ переговоровъ было отреченіе Петра III отъ престола въ пользу Екатерины. Онъ не пережилъ своего несчастія и вскорѣ умеръ.

Переворотъ совершился быстро и просто, и прусскій король Фридрихъ II, узнавъ о немъ, вполнѣ вѣрно охарактеризовалъ событіе слѣдующимъ остроумнымъ замѣчаніемъ: „Петръ III позволилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать“.

II

Внѣшняя политика Императрицы Екатерины II.

Взглядъ Екатерины на задачи внѣшней политики. Польскій вопросъ. Турецкія войны и присоединеніе Крыма. Французская революція.

Прошло около 140 лѣтъ отъ смерти великаго преобразователя. Россія начинала занимать положеніе могущественной европейской державы, начинавшей играть вид-

кую роль во внѣшней политикѣ. Три раза, въ промежутокъ времени отъ смерти Петра I до воцаренія Екатерины II, она поднимала свой голосъ въ вопросахъ, осложнявшихъ эту политику, и каждый разъ ея голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Такъ, вскорѣ послѣ смерти Петра I-го, при первыхъ его преемникахъ, разрѣшенъ былъ вопросъ курляндскій. По смерти курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма (мужа императрицы Анны Іоанновны) Курляндія управлялась его пожилымъ и бездѣтнымъ дядею Фердинандомъ. Съ нимъ угасалъ домъ Кетлера, основателя Курляндскаго герцогства. Курляндцы избрали своимъ герцогомъ графа Морица Саксонскаго (незаконнаго сына польскаго короля Августа II), а поляки думали присоединить это вассальное герцогство къ своему королевству. Россія помѣшала осуществленію обоихъ этихъ плановъ, облегчивъ себѣ такимъ образомъ въ будущемъ присоединеніе Курляндіи къ своимъ владѣніямъ.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ русское правительство вмѣшалось въ дѣло о наслѣдствѣ польскаго престола и помогло саксонскому курфюрсту Августу III утвердиться въ Польшѣ, устранивъ его соперника, Станислава Лещинскаго, котораго поддерживала Франція.

Наконецъ, при Елизаветѣ Петровнѣ Россія приняла участіе въ семилѣтней войнѣ и только смерть императрицы вывела Фридриха III изъ весьма затруднительнаго положенія.

Такимъ образомъ внѣшнія дѣла Россіи и до Екатерины II шли успѣшно и положеніе, занятое ею при Петрѣ I, было обезпечено. И до Екатерины внѣшняя политика Россіи покоилась уже на ясно сознанномъ принципѣ европейскаго равновѣсія, ради котораго Россія смѣло и рѣшительно вмѣшивалась въ общеевропейскую

политику. Примѣромъ можетъ служить семилѣтняя война: хотя Россія и не получила отъ нея непосредственныхъ выгодъ, но во всякомъ случаѣ она такъ сократила силы прусскаго короля, что этотъ, какъ его называли, „скоропостижный король“ не представлялъ уже для Россіи никакой опасности.

Такимъ образомъ направленіе внѣшней политики было и до Екатерины опредѣлено; до нея существовала уже опредѣленная политическая программа, которой предшественники великой императрицы весьма послѣдовательно держались.

Задача Екатерины II заключалась въ томъ, чтобы строго держаться установившагося направленія, пользоваться всякимъ удобнымъ моментомъ для упроченія могущества Россіи и, не пускаясь въ рискованныя предпріятія, сосредоточить свою дѣятельность преимущественно на внутреннемъ преуспѣяніи государства.

Многое, слѣдовательно, было подготовлено предшествующей исторіей; но это нисколько не умаляетъ заслугъ Екатерины II, ибо при всемъ этомъ для ея личной инициіативы, для ея личнаго участія въ судьбахъ Россіи оставалось широкое поприще, не говоря уже о томъ, что само выполненіе завѣщанныхъ исторіей задачъ, одно уже сохраненіе ранѣе созданнаго для государства могущественнаго положенія,—есть великая историческая заслуга.

Еще до вступленія на престолъ Петра III Екатерина весьма внимательно присматривалась къ внѣшней политикѣ Россіи и пришла къ заключенію, что главная задача русскаго правительства должна заключаться въ соблюденіи мира: „миръ необходимъ этой обширной имперіи,—говоритъ она въ своихъ запискахъ,—мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ... Миръ до-

ставитъ намъ болѣе уваженія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной". Но въ то же время необходимо было позаботиться и о томъ, чтобы обезпечить за Россіей извѣстное вліяніе на европейскія дѣла и исправить нѣкоторыя ошибки предшественниковъ. Извѣстно, что при Елизаветѣ, несмотря на успѣхъ ея внѣшней политики, большое вліяніе на нее имѣла Австрія, а Петръ III, строго говоря, игралъ роль вассала Пруссіи. И вотъ первая задача, которую поставила себѣ Екатерина II, состояла въ томъ, чтобы дѣйствовать вполнѣ *независимо*. Эта независимость, самостоятельность русской императрицы и представляетъ выдающуюся особенность ея царствованія. Съ первыхъ же дней своего царствованія она стала проявлять независимый образъ дѣйствій, и не только по отношенію къ европейскимъ правительствамъ, но и по отношенію къ лицамъ, ее окружавшимъ. Никто не могъ заставить ее слѣдовать какой-либо сложной системѣ или политической доктринѣ, если онѣ не согласовались съ ея личными соображеніями. Въ каждомъ данномъ случаѣ она дѣйствовала по собственному усмотрѣнію, всегда сообразуясь съ выгодами Россіи въ данный моментъ. Н. Панинъ, будучи, такъ сказать, министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ лишь исполнителемъ ея предначертаній; она любила, и не безъ основанія, называть себя „своимъ собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ" и въ этомъ отношеніи близко сходилась съ другимъ представителемъ „просвѣщеннаго абсолютизма", съ императоромъ Іосифомъ II.

Исходя изъ мысли о необходимости мира для Россіи, она по вступленіи на престолъ рѣшила не нарушать мира съ Пруссіей и не искать расширенія русской территоріи на ея счетъ. Миръ этотъ былъ необходимъ не только въ виду сложныхъ задачъ внутренней политики,

но еще и потому, что приближалось рѣшеніе польскаго вопроса, въ которомъ Россія необходимо должна была принять дѣятельное участіе: со дня на день ожидали кончины польскаго короля Августа III, а въ Польшѣ встрѣчались интересы Россіи, Пруссіи, Австріи, Турціи, Швеціи, Франціи, и борьба между государствами изъ за этимъ интересовъ всегда особенно обострялась при выборѣ новаго короля. Весь вопросъ въ этихъ случаяхъ заключался въ томъ, какому изъ названныхъ государствъ будетъ принадлежать преобладающее вліяніе въ Польшѣ. Необходимо было приготовиться къ этой борьбѣ.

Въ 1763 году умеръ Августъ III. Въ сентябрѣ слѣдующаго года подъ давленіемъ Россіи и отчасти Пруссіи на престолъ польскій былъ избранъ Станиславъ Понятовскій, преданный Екатеринѣ и обратившій на себя ея вниманіе еще въ царствованіе Петра III, когда онъ находился въ Петербургѣ при англійскомъ посольствѣ. Екатерина II однажды слѣдующимъ образомъ объясняла мотивъ, ради котораго Понятовскому была оказана поддержка: „Россія выбрала Понятовскаго въ кандидаты на польскій престолъ потому, что онъ изъ всѣхъ искателей имѣлъ наименѣе правъ, а слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи.“ Такое остроумное соображеніе свидѣтельствуетъ о тонкой политической разсчетливости мудрой императрицы. Понятовскій долженъ былъ служить для Россіи послушнымъ вассаломъ, который волей-неволей долженъ былъ содѣйствовать осуществленію дальнѣйшихъ плановъ Екатерины II. Главная же цѣль Екатерины заключалась въ томъ, чтобы поддерживать въ Польшѣ анархію, эту постоянную причину ея слабости, и не позволять ей усилиться путемъ внутреннихъ преобразованій. Въ этомъ отношеніи съ Россіей была солидарна и Пруссія. Планъ

Екатерины удался. Со вступленіемъ на престолъ Понятовскаго вліяніе Россіи въ Польшѣ значительно усилилось. Понятовскій сдѣлалъ было попытку ввести нѣсколько реформъ для усиленія монархической власти, но безуспѣшно: русскій резидентъ въ Польшѣ князь Репнинъ строго наблюдалъ за сохраненіемъ въ точности прежняго польскаго государственнаго права, находя поддержку со стороны прусскаго короля. Понятовскій дѣйствительно обратился въ вассала, а фактическое вліяніе на государственныя дѣла Польши находилось въ рукахъ русскаго резидента, который, какъ выражается одинъ историкъ, „царствовалъ въ Варшавѣ неограниченно". Уже въ это время можно было предсказать раздѣлъ Польши.

Итакъ ближайшая причина вмѣшательства Россіи въ польскія дѣла заключалась въ желаніи на первый разъ подчинить Польшу безграничному русскому вліянію, устранивъ враждебное Россіи вліяніе соперничествующихъ державъ.

Другою причиною этого вмѣшательства послужилъ вопросъ о диссидентахъ. Такъ называли тѣхъ подданныхъ Польши, которые не исповѣдовали католической религіи и потому не пользовались всѣми правами гражданства. Часть этихъ диссидентовъ составляло православное населеніе русскихъ областей, принадлежавшихъ Польшѣ, другую часть—протестанты, такъ какъ реформаціонныя идеи, несмотря на все усердіе іезуитскаго ордена, еще въ XVI столѣтіи проникли въ Польшу. Вопросъ былъ поднятъ Россіей и Пруссіей именно объ уравненіи въ правахъ диссидентовъ съ католиками. Польскій сеймъ сначала противился этимъ требованіямъ, но затѣмъ благодаря настойчивости русскаго правительства долженъ былъ уступить и заключить трактатъ съ

Россіей, возвращавшій православнымъ жителямъ Польши полную свободу вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ Екатерина успѣла оказать защиту единовѣрному народу, составлявшему значительную долю польскаго населенія, и пріобрѣла его симпатіи. Весьма важно было и еще одно условіе этого трактата, условіе, по которому Россіи предоставлялось право охранять въ Польшѣ существующій политическій порядокъ.

Польскіе патріоты прекрасно поняли, къ чему приведетъ это условіе Польшу и, разсчитывая на поддержку нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ, составили противъ Россіи и Понятовскаго такъ называемую Барскую конфедерацію (въ г. Барѣ). Помощь имъ оказала одна только Франція, да и та ограничилась присылкой нѣсколькихъ офицеровъ. Конфедерація была безъ особеннаго труда уничтожена и въ августѣ 1772 года между Россіей, Пруссіей и Австріей состоялся первый раздѣлъ Польши, по которому Россія получила бѣлорусскія области на Двинѣ и Днѣпрѣ съ населеніемъ около 2 мил. человѣкъ.

Былъ ли этотъ фактъ непредвидѣннымъ слѣдствіемъ возмущенія польскихъ патріотовъ? Есть основаніе предполагать, что фактъ этотъ составлялъ первый шагъ заранѣе намѣченной политики: еще въ то время, когда только зашла рѣчь о кандидатурѣ Понятовскаго, однимъ изъ русскихъ государственныхъ людей, именно граф. Чернышевымъ, вѣроятно, по порученію Екатерины, былъ составленъ секретный проектъ о присоединеніи къ Россіи, для лучшаго округленія и безопасности границъ, нѣкоторыхъ польскихъ земель. Въ этомъ проектѣ именно и были указаны земли, пріобрѣтенныя Россіей по первому раздѣлу. Кромѣ того, необходимо добавить, что идея раздѣла Польши не составляла изобрѣтенія самой Екатерины; она появилась въ самомъ началѣ столѣ-

тія и принадлежала прусскому королю Фридриху I, который предлагалъ дѣлежъ сначала шведскому королю Карлу XII, а потомъ Петру Великому. Сѣверная война тогда помѣшала осуществленію этой идеи. Интересно, что и король польскій Августъ II, современникъ Петра Великаго, бывшій въ то же время курфюрстомъ саксонскимъ, сочувствовалъ этой идеѣ, убѣдившись, что гораздо выгоднѣе владѣть самодержавно и наслѣдственно частью Польши, чѣмъ всею страною при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ находился король въ польской республикѣ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что собственно о раздѣлѣ Польши усерднѣе всѣхъ хлопоталъ король прусскій Фридрихъ II, мечтавшій во что бы то ни стало раздвинуть границы своего небольшого государства. Во время первой турецкой войны, которую вела Екатерина, онъ очень настойчиво стремился ускорить заключеніе мира между Россіей и Турціей, чтобы ускорить вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленіе своихъ плановъ относительно Польши.

Словомъ, можно сказать, что проектъ раздѣла Польши возникъ сначала въ Пруссіи и затѣмъ, какъ выгодный для Россіи, былъ принятъ и Екатериной. Послѣ перваго раздѣла Екатерина не переставала внимательно слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ Польшѣ. Въ 1791 г. среди польскихъ патріотовъ снова составилась партія, имѣвшая цѣлью съ помощью различныхъ реформъ упрочить дальнѣйшее существованіе государства. Въ маѣ этого года объявлено было новое государственное устройство, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ „конституціи 3-го мая“. По этой конституціи отмѣнялся обычай составлять конфедераціи, уничтожалось такъ называемое „leberum veto“ (право каждаго участника сейма „срывать“ сеймъ т. е. своимъ единоличнымъ протестомъ

останавливать сеймовое рѣшеніе); наконецъ, Польша должна была превратиться въ наслѣдственную монархію.

Все это противорѣчило интересамъ Россіи и упомянутому выше условію трактата. Екатерина должна была воспротивиться осуществленію новой конституціи. Она ждала только окончанія войны съ Турціей, чтобы принять рѣшительныя мѣры противъ Польши. Надо было торопиться, тѣмъ болѣе, что въ это время вниманіе другихъ державъ было отвлечено отъ Польши событіями французской революціи. Наконецъ миръ съ Турціей былъ заключенъ и Екатерина, пользуясь удобнымъ моментомъ, стала дѣйствовать. Прежде всего она постаралась вызвать въ Польшѣ контръ-революцію. Благодаря тому, что конституція 3 го мая была произведеніемъ незначительнаго меньшинства, ей легко удалось составить изъ приверженцевъ старо-польскихъ порядковъ такъ называемую Торговицкую конфедерацію. Главари этой конфедераціи (Феликсъ Потоцкій и др.) обратились къ ней за поддержкой и она ввела въ Польшу русскія войска. По требованію Екатерины и король присоединился къ Торговицкой конфедераціи. Варшава была занята русскими войсками. Русскій посолъ Сиверсъ распоряжался въ Польшѣ по своему усмотрѣнію. Вожаки преобразовательной партіи должны были бѣжать заграницу и въ 1793 году состоялся между тѣми же державами второй раздѣлъ Польши, по которому Россія получила области Волынскую и Минскую, увеличивъ свое населеніе еще на 3 мил. человѣкъ.

Большинство польскихъ патріотовъ находило себѣ убѣжище въ Парижѣ. Это было въ самый разгаръ революціи („девяносто третій годъ“), въ эпоху господства Конвента, съ которымъ они поддерживали самыя дѣя-

тельныя сношенія. Пропаганда революціонныхъ идей, которою они занимались, представлялась каждому монархическому правительству дѣломъ весьма серьезнымъ, съ которымъ надо было считаться. Необходимо было торопиться съ окончаніемъ польскаго вопроса. Въ мартѣ 1794 года въ Польшѣ возгорѣлось возстаніе, во главѣ котораго сталъ знаменитый польскій патріотъ Тадеушъ Костюшко. Но возстаніе это было быстро подавлено. Самъ Костюшко попался въ плѣнъ, а въ октябрѣ 1795 г. состоялось соглашеніе между Пруссіей, Австріей и Россіей относительно третьяго и послѣдняго раздѣла Польши. По этому раздѣлу Россія пріобрѣла часть Литвы, оставшуюся послѣ 2-го раздѣла, все пространство между Нѣманомъ и верхнимъ Бугомъ, а также Курляндію. Король Станиславъ-Августъ, отказавшись отъ престола, переселился на нѣкоторое время въ Гродно, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался въ царствованіе императора Павла.

Такъ окончился многовѣковой раздоръ двухъ славянскихъ государствъ. Побѣдителемъ вышло то изъ нихъ, въ которомъ заключалось больше жизненныхъ силъ, больше здоровыхъ задатковъ для правильнаго исторического развитія. Если мы припомнимъ, сколько бѣдъ причинила Польша Россіи, напр, въ смутную эпоху, сколько хлопотъ причиняла она и другимъ сосѣднимъ государствамъ своими внутренними неурядицами; если мы представимъ себѣ ту анархію, которая постоянно господствовала въ польской государственной жизни, то паденіе Польши явится для насъ дѣломъ вполнѣ естественнымъ, результатомъ всей ея предшествующей исторіи.

Какъ же отнеслись къ этому событію современики? Уже о второмъ раздѣлѣ Польши говорили на западѣ

какъ о доказательствѣ политической мудрости Екатерины. Весьма многіе представители западнаго просвѣщенія считали польское государство воплощеніемъ религіознаго фанатизма, средневѣковыхъ сословныхъ привиллегій и экономическаго застоя; Екатерина же считалась какъ бы борцомъ за начала терпимости, просвѣщенія, порядка и правосудія. Когда русскія войска вошли въ Польшу, Вольтеръ замѣтилъ, что „въ первый разъ въ исторіи военныя дѣйствія оказываютъ благодѣяніе человѣчеству". Встрѣчались, конечно, и упреки въ насиліи, но всѣ сходились на томъ, что въ Польскомъ вопросѣ Екатерина обнаружила способности искуснаго и проницательнаго политика.

Одновременно съ борьбою противъ Барской конфедераціи открылась первая турецкая война (1768—1774 гг.). Мы не станемъ вдаваться въ подробности; остановимся лишь на самомъ существенномъ. По Кучукъ-Кайнарджинскому миру, которымъ война эта окончилась, Россія пріобрѣла часть азовскихъ и черноморскихъ береговъ (Азовъ, Керчь, замокъ Кинбурнъ) и право свободнаго плаванія купеческихъ кораблей въ Средиземное море.

По этому же миру Крымское ханство было объявлено независимымъ отъ Турціи, что облегчило впослѣдствіи присоединеніе его къ Россіи, такъ какъ отнынѣ султанъ уже не могъ вмѣшиваться въ отношенія русскаго правительства къ крымскому хану, да и послѣднему было внушено, что онъ, единственно Россіи обязанный своею независимостью, не долженъ выходить изъ послушанія. Окончательно же и безъ всякаго кровопролитія Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи въ 1783 году, оффиціально же Турція признала этотъ фактъ только послѣ второй войны съ Россіей, въ 1791 г.

Еще передъ началомъ первой турецкой войны всѣ

были увѣрены въ успѣхѣ Екатерины II. Вольтеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Воронцову,—восторгаясь способностями императрицы, въ которой онъ видѣлъ представительницу идей просвѣщенія и прогресса, покровительницу наукъ и искусствъ,—говорилъ, что теперь настала эпоха славы для Россіи, что турки наконецъ будутъ изгнаны въ Малую Азію и пр. Не сомнѣвалась въ успѣхѣ и сама Екатерина. Въ одномъ изъ писемъ къ Румянцеву, желая ободрить его и возбудить въ немъ честолюбіе, она писала: „если все это удастся и Богъ благословитъ васъ, то великія дѣла увидимъ въ нашемъ вѣку и турецкая громада будетъ подвержена нѣкоторому потрясенію... На васъ Европа смотритъ". Отвѣчая на комплементъ Вольтера, сравнившаго нападеніе Россіи на Турцію съ походомъ Ганнибала въ Италію, она говорила: „Карѳагеняне имѣли дѣло съ колоссомъ, который былъ въ полной силѣ, тогда какъ мы стоимъ противъ слабаго призрака, всѣ части котораго распадаются по мѣрѣ того, какъ къ нимъ прикасаешься".

Въ 1787 г. началась вторая турецкая война. Въ числѣ поводовъ къ разрыву съ Турціей были, между прочимъ, и безпрестанные набѣги подвластныхъ Турціи лезгинъ и другихъ кавказскихъ горцевъ на владѣнія грузинскаго царя Ираклія, добровольно признавшаго въ 1783 г. надъ собою покровительство Россіи. Война эта, которую Россія вела въ союзѣ съ Австріей, окончилась миромъ въ Яссахъ (1791 г.); Россія пріобрѣла пространство между Бугомъ и Днѣстромъ и утвердила свое владычество на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Одновременно шла война съ королемъ шведскимъ Густавомъ III, который думалъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для возвращенія завоеванной Россіей при Елизаветѣ Петровнѣ части Финляндіи. Попытка Густа-

ва III не имѣла успѣха и оба государства остались при прежнихъ границахъ.

Въ связи съ отношеніями къ Турціи находился и знаменитый „Греческій проектъ," объ осуществленіи котораго особенно хлопотали Потемкинъ и Безбородко. Это было одно изъ политическихъ мечтаній, которое раздѣляла и сама императрица, не смотря на всю свою спокойную разсудительность: до такой степени проектъ былъ заманчивъ. Само собою разумѣется, что при первой же попыткѣ къ осуществленію этого проекта Россія встрѣтилась бы съ энергичнымъ противодѣйствіемъ другихъ державъ, весьма внимательно слѣдившихъ за каждымъ шагомъ русской политики. Тѣмъ не менѣе Екатерина нѣкоторое время была занята этимъ проектомъ. Сущность его заключалась въ изгнаніи турокъ изъ Европы и возстановленіи Греческой имперіи. Готовъ былъ и кандидатъ на греческую корону. Въ апрѣлѣ 1779 года родился великій князь Константинъ Павловичъ. Уже данное ему имя, напоминавшее послѣдняго Палеолога, заключало въ себѣ намекъ на имѣвшуюся для него въ виду карьеру. Кормилицею его была гречанка. На празднествѣ, устроенномъ Патемкинымъ по случаю его рожденія, читались греческія стихотворенія. На медали, выбитой по случаю этого событія, изображены были Софійскій храмъ въ Константинополѣ и Черное море. Добавимъ, что еще въ 1777 году въ Петербургѣ существовало училище для молодыхъ грековъ, изъ которыхъ, вѣроятно, предполагалось впослѣдствіи выработать сотрудниковъ греческому императору. При воспитаніи Константина Павловича обращалось серьезное вниманіе на изученіе имъ греческаго языка *).

---

*) Брикнеръ. Императрица Екатерина II.

Таковы факты, доказывающіе, что Екатерина II раздѣляла мысль объ изгнаніи турокъ и о возстановленіи греческой имперіи. И неудивительно: это была, такъ сказать, модная мысль въ то время, которую раздѣляли даже такіе корифеи просвѣщаннаго вѣка, какъ Вольтеръ.

Существовалъ еще и другой проектъ, осуществленіе котораго было бы болѣе возможно. Уже въ сентябрѣ 1782 г., когда ожидали разрыва съ Турціей, у Екатерины составился слѣдующій планъ. Кромѣ нѣкоторыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній отъ Турціи, она думала еще учредить между тремя государствами, Россіей, Австріей и Турціей независимое отъ нихъ государство подъ именемъ Дакіи, состоящее изъ провинцій: Молдавіи, Валлахіи и Бессарабіи, подъ скипетромъ государя, который исповѣдовалъ бы религію, господствующую въ этихъ странахъ. И тутъ готовъ былъ кандидатъ на новую въ Ероппѣ корону: есть основанія предполагать, что эта корона составляла конечную цѣль, достиженіемъ которой мечталъ удовлетворить свое честолюбіе Потемкинъ.

Ни одинъ изъ этихъ проектовъ, какъ извѣстно, не осуществился, да и не могъ осуществиться: у Россіи были задачи болѣе существенныя, требовавшія напряженной дѣятельности правительства, не отвлекаемой побочными цѣлями.

Сочувствуя указаннымъ политическимъ мечтаніямъ, Екатерина тѣмъ не менѣе не позволила увлечь себя на опасный для государства путь рискованныхъ предпріятій, которыя могли бы подорвать авторитетъ Россіи въ европейскомъ „концертѣ“. О поддержаніи этого авторитета Екатерина много заботилась и, кажется, ничто такъ не содѣйствовало его усиленію, какъ

осуществленіе третьяго проекта, составленнаго въ интересахъ не только Россіи, но и большинства европейскихъ государствъ. Мы говоримъ о такъ называемомъ „вооруженномъ нейтралитетѣ". Въ то время, къ которому относится этотъ проектъ (1780 г.), шла война сѣверо-американскихъ колоній съ Англіей, ихъ метрополіей, за независимость,—война, окончившаяся образованіемъ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Англійскіе крейсеры весьма безцеремонно заарестовывали попадавшіяся имъ купеческія суда нейтральныхъ государствъ и конфисковали ихъ со всѣмъ грузомъ. Необходимо было положить конецъ этимъ насиліямъ. И Екатерина сдѣлала это. Въ этомъ дѣлѣ прославился и ближайшій ея сотрудникъ, завѣдовавшій дипломатическими сношеніями Россіи, Н. Панинъ, которому принадлежала обработка проекта. Собственно идея положить конецъ произволу и и насиліямъ воюющихъ державъ въ отношеніи къ судамъ и товарамъ нейтральныхъ націй занимала въ то время многихъ государственныхъ людей въ Европѣ. Но Екатеринѣ принадлежала инціатива въ осуществленіи этой идеи и въ формулировкѣ ея въ примѣненіи къ данному случаю (противъ Англіи).

По поводу этого проекта Фридрихъ II писалъ Екатеринѣ II: „между столькими чудесами, которыми ознаменовано царствованіе Вашего Императорскаго Величества, нельзя считать послѣднимъ обнародованіе устава, защищающаго торговлю отъ всякаго хищничества на морѣ, и та, которая дала столь мудрые законы величайшей монархіи въ Европѣ, могла съ тѣмъ же правомъ предписать ихъ царству морей". Этотъ „уставъ", имѣющій громадное значеніе въ исторіи всемірной торговли, какъ отвѣчавшій настоятельной и всеобщей потребности, былъ принятъ всѣми державами; онъ содѣйствовалъ,

какъ мы сказали, усиленію значенія Россіи въ Европѣ и, между прочимъ, сближенію съ Франціей, съ которой вскорѣ былъ заключенъ и торговый договоръ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, онъ усилилъ натянутость отношеній съ Англией, которая съ тѣхъ поръ съ особенною энергіей стала настаивать въ Европѣ на необходимости ограничить развитіе могущества Россіи.

Такова была внѣшняя политика Екатерины II*). Но нашъ очеркъ вышелъ бы неполнымъ, еслибы мы не остановились на отношеніи русской императрицы къ французской революціи,—этому событію, которое надолго осложнило европейскую политику. Нужно-ли говорить, что явленіе это ее страшно поразило? Она внимательно слѣдила за событіями революціи и возмущалась слабохарактерностью и уступчивостью французскаго короля, Людовика XVI-го. Она прекрасно понимала всю опасность, которая предстояла Европѣ отъ этого движенія во Франціи, грозившаго ослабить монархическую власть во всѣхъ другихъ государствахъ. Она настаивала на томъ, что „пора дѣйствовать противъ сихъ бѣснующихся", чтобы предотвратить эту опасность. Но въ то же время, съ свойственною ей проницательностью она понимала, что долго такой порядокъ длиться не можетъ, что рано или поздно въ самой Франціи обнаружится реакція, что, какъ она однажды выразилась, „Франція справится со своими бѣдами и будетъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, будучи въ то же время кротка и послушна, какъ овечка". Въ этихъ словахъ заключалось пророчество на появленіе имперіи Наполеона и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ заключается глубокое знаніе историческаго процесса.

---

*) При описаніи ея мы пользовались извѣстнымъ соч. Брикнера („Царств. Екатерины II") и „Исторіей Россіи" Соловьева.

На этомъ мы и прекращаемъ обзоръ внѣшней политики Екатерины II. Сказаннаго достаточно для того, чтобы придти къ заключенію, что ею были добросовѣстно и разумно выполнены историческія задачи русской политики, насколько вообще можно было ихъ выполнить къ концу XVIII-го вѣка. Главная ея заслуга состоитъ въ томъ, что она поставила нашу внѣшнюю политику на вполнѣ твердую почву, укрѣпивъ ея независимость, ея самостоятельность, и въ этомъ отношеніи она должна считаться достойною предшественницей четырехъ русскихъ императоровъ, внѣшняя дѣятельность которыхъ займетъ первенствующее мѣсто въ исторіи европейской политики: Александра I-го, Николая I-го, Александра II-го Освободителя и Александра III-го Миротворца.

Въ заключеніе приведемъ слова послѣдняго историка ея царствованія: „Екатерина II,—говоритъ проф. Брикнеръ,—была проникнута убѣжденіемъ въ необходимости для Россіи принимать самое дѣятельное участіе въ европейскихъ дѣлахъ, заботясь въ то же время о сохраненіи мира. Успѣхи ея во внѣшней политикѣ главнымъ образомъ объясняются необычайною ея энергіей, ея проницательностью, чрезвычайною способностью къ дипломатическимъ дѣламъ и ея рабочею силою, позволявшею ей, не упуская изъ виду общаго значенія политическихъ вопросовъ, заниматься постоянно всѣми мельчайшими подробностями“.

III

Внутренняя дѣятельность Императрицы Екатерины II.

Общественная жизнь въ Россіи до Екатерины II. Ея преобразованія. Коммиссія уложенія 1767-го года. Жалованная грамота дворянству. Городовое положеніе. Заботы о крестьянствѣ. Церковныя дѣла. Администрація и судъ. Финансовыя и экономическія мѣропріятія. Заботы о народномъ образованіи. Литературная дѣятельность Императрицы. Реакція подъ вліяніемъ французской революціи. Заключеніе.

При всѣхъ заслугахъ императора Петра I, котораго исторія по всей справедливости назвала Великимъ, мы должны всетаки имѣть въ виду и обратную сторону медали. Петръ желалъ развить такъ называемую „общественность“ въ Россіи и имъ многое было сдѣлано для уничтоженія той татарщины, которою отличались до него отношенія между семействами, между отдѣльными членами семьи, между полами, между сословіями. Но все это дѣлалось какъ бы мимоходомъ. Главная задача всей дѣятельности Петра заключалась въ государственныхъ преобразованіяхъ, въ улучшеніи военной, административной и экономической сторонъ государственной жизни. „Все для государства“—вотъ, можно сказать, девизъ всей дѣятельности Петра Великаго. Личность гражданина, личность даже самаго императора отступала на задній планъ предъ этою задачею. Интересы не общества, а государства были поставлены на первомъ мѣстѣ. Положимъ, и Петръ сознавалъ, что неприкосновенность этихъ

интересовъ, ихъ правильное развитіе обезпечивается главнымъ образомъ самымъ широкимъ распространеніемъ въ народѣ образованія, и онъ интересовался не только профессіональнымъ, но и общимъ образованіемъ; но по обстоятельствамъ того времени онъ долженъ былъ обратить почти исключительное вниманіе на чисто практическую сторону государственной жизни. Просвѣщеніе народа, а не одно ознакомленіе его съ внѣшнею культурой Запада, могло составить прочную гарантію дальнѣйшаго правильнаго развитія государственной жизни, но такая гарантія могла получиться лишь со временемъ. Теперь же (т. е. при Петрѣ) эту гарантію можно было создать лишь съ помощью внѣшнихъ средствъ. Отсюда та административная опека, снабженная фискалами и шпіонами, поддерживаемая страшными застѣнками и военною силою, разставленною для постояннаго квартированія почти повсемѣстно,—которая довела общество до такой деморализаціи, что доносы сдѣлались какою то всеобщею необходимостью, а ужасъ передъ застѣнкомъ со всѣми послѣдствіями пребыванія въ немъ сталъ господствующимъ стимуломъ общественной жизни и общественной дѣятельности. Эти порядки продолжались, по временамъ даже усиливаясь, и при преемникахъ Петра Великаго. Съ особенною силою, какъ извѣстно, они обнаружились въ эпоху „бироновщины“.

Дѣленіе общества на враждебныя партіи, придворныя интриги, гнетъ администраціи и централизаціи, разорительные налоги и поборы управляющихъ областями, злоупотребленія служащихъ лицъ, разбои и грабежи, отсутствіе личной и имущественной безопасности не только въ провинціи, но и въ самой столицѣ,—все это, повторяемъ, производило страшную деморализацію общества. Особенно много вреда приносило знаменитое „слово и

дѣло“ со своими неизбѣжными спутниками: застѣнками, пытками, казнями и ссылками въ Сибирь, и потому одно уже уничтоженіе Тайной Канцеляріи при Петрѣ III было для общества истиннымъ благодѣяніемъ. Этотъ ужасъ, эта неувѣренность въ безопасности, въ завтрашнемъ днѣ, проникали въ самые отдаленные уголки Имперіи и подавляли въ обществѣ всякую инпціативу, всякую добросовѣстную дѣятельность. Все жило, такъ сказать, исключительно чувствомъ самосохраненія, роковымъ чувствомъ, способнымъ побудить и хорошихъ людей на весьма дурные поступки. Такому состоянію постояннаго страха вполнѣ соотвѣтствовалъ и характеръ частной жизни того времени. И высшіе и низшіе слои общества отличались крайнею грубостью и варварствомъ, которыя въ высшемъ обществѣ прикрывались блестящею внѣшностью, внѣшнимъ лоскомъ европейской образованности. Для характеристики эпохи достаточно припомнить избіеніе *академика* Тредьяковскаго *кабинетъ—министромъ* Волынскимъ, а также разсказы современниковъ о той шутовской роли, которую играли нѣкоторые вельможи при дворѣ императрицы Анны Іоанновны. Когда при Екатеринѣ атмосфера общественной жизни стала очищаться, когда можно было сказать откровенное, прямое слово, не опасаясь, что за нимъ послѣдуетъ строжайшая репрессалія, весьма многіе съ удивленіемъ встрѣтили новые порядки. Въ одной изъ своихъ одъ Державинъ прекрасно характеризуетъ это переходное время, дѣлая шутливую характеристику современнаго общества, не привыкшаго еще къ гуманному обращенію:

Иной отнесъ себѣ къ безчестью.

---

*) Намекъ на забавы съ вельможами, устраиваемыя при дворѣ Анны Іоанновны.

Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ *);
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ...

Послѣднія двѣ строки особенно выразительно подчеркиваютъ наступленіе новой эры въ жизни русскаго общества, начало нѣкоторой свободы печати, нѣкоторой независимости общественнаго мнѣнія, къ которому Екатерина всегда внимательно прислушивалась.

Народное образованіе до Екатерины II, несмотря на заведеніе разныхъ школъ, было въ весьма печальномъ положеніи, хотя съ 1755 г. въ Россіи существовалъ уже и университетъ (московскій). Въ 1760 г. Сумараковъ сталъ издавать журналъ „Трудолюбивая пчела“. Вотъ какъ онъ въ своемъ журналѣ характеризуетъ образованность тогдашняго общества:„ Много знать—слыветъ у невѣжъ знать по-педантски или по—школьному. Мало знать или ничего не знать—слыветъ у нихъ знать по—кавалерски. Кто жь педанты и кто кавалеры? Педанты, по ихъ мнѣнію, суть профессоры и прочіе ученые люди, а имя кавалеровъ обыкновенно дается дворянамъ; итакъ, знать по—кавалерски (или по—дворянски) значитъ знать мало и неосновательно, чтобы умѣть начинать говорить о всемъ и не умѣть окончить ни о чемъ, скакать изъ матеріи въ матерію, показываясь, будто все знаешь, доказывать не по-педански доводами, но по-дворянски крикомъ“. Прибавимъ кстати, что и самъ Сумароковъ, нашъ россійскій „Волтеръ“, такъ зло смѣющійся надъ недостатками своихъ современниковъ, самъ кое въ чемъ не далеко отъ нихъ ушелъ, когда, дѣлая возраженія на проектъ императрицы объ освобожденіи крестьянъ, говорилъ:

„нельзя ихъ освободить, ибо тогда бѣдный помѣщикъ хорошаго повара не будетъ имѣть" и проч.

Народное просвѣщеніе въ селахъ и деревняхъ находилось въ рукахъ дьячковъ и понамарей, съ грѣхомъ пополамъ обучавшихъ крестьянскихъ дѣтей по часослову и псалтырю. Учителя казенныхъ школъ не могли похвалиться ни знаніемъ дѣла, ни безупречною нравственностью. Вотъ какъ напр. отзывается современникъ объ артиллерійской школѣ, гдѣ обучались не крестьянскія дѣти, а князья и дворяне: „штыкъ-юнкеръ Алабушевъ (учитель) содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ, былъ человѣкъ хотя знающій (разбиралъ Магницкаго печатную ариѳметику *), однако былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благороднаго юношества... До него ариѳметику „показывали" два подмастерья изъ пушкарскихъ дѣтей" (записки Данилова). Въ Оренбургѣ, по словамъ Державина, обученіемъ дѣтей нѣмецкому яз. занимался какой то каторжникъ Роза, варварски обращавшійся съ дѣтьми. Но не только въ областяхъ, а и въ столицахъ брали къ дѣтямъ или отдавали дѣтей въ частные пансіоны всякому иностранцу, безъ всякой возможности повѣрки его знанія и нравственности. Въ 1757 г. для этихъ иностранцевъ былъ установленъ экзаменъ, но это, конечно, обратилось въ пустую формальность. Казенныхъ учебныхъ заведеній было мало: академическая гимназія въ Петербургѣ, три—четыре военныхъ училища, двѣ гимназіи въ Москвѣ и одна въ Казани.

Обращеніе съ дѣтьми было крайне грубо. Воспи-

*) Вотъ, кстати, выдержка изъ этой ариѳметики: «Мультипликаціо или умноженіе есть, иже что въ числахъ умножаемъ, или количимъ вещемъ по множеству иныхъ вещей раздаемъ, и количество ихъ кисломъ показуемъ».

татели никакого понятія не имѣли ни о задачахъ и цѣляхъ, ни о средствахъ и пріемахъ воспитанія. Розга царствовала во всемъ своемъ величіи; домостроевскія понятія о томъ, что „орѣха не разбіеши—не пріемлеши сладости, чада не побіеши, не пріемлеши радости“, что слѣдуетъ страха Божія ради „сокрушать ребра“, были въ полной еще силѣ и потому ознакомленіе русскаго общества съ новыми педагогическими идеями XVII-го и XVIII-го в.в. составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ Екатерины II.

Отношеніе мѣстныхъ правителей къ населенію было аналогично отношенію учителей къ ученикамъ. Крайняя грубость, полный произволъ, самоуправство, взяточничество—были вещи обыкновенныя, никого не поражавшія. Отношенія дворянъ между собою и къ крестьянамъ тоже не отличались мягкостью. Пьянство сопровождало всѣ развлеченія (къ сожалѣнію съ этимъ зломъ и Петръ Великій не особенно боролся: достаточно вспомнить его „кубокъ большаго орла“, присуждаемый провинившимся на ассамблеяхъ, и его „всепьянѣйшую коллегію“, отзывавшуюся кощунствомъ); ссоры и тяжбы между сосѣдями; плутни съ цѣлью поживиться на счетъ ближняго, „наѣзды“ съ дворнею на владѣнія сосѣда, травля собаками, все это были вещи обыкновенныя. Безопасностью обладалъ только тотъ, кто имѣлъ большой чинъ и потому никогда чинолюбіе не было такъ сильно развито, даже у такъ называемыхъ „передовыхъ“ людей. Говоря о томъ, какъ добивался генеральскаго чина Ломоносовъ, нашъ историкъ Соловьевъ остроумно замѣчаетъ: „если въ извѣстной странѣ всѣ ходятъ вооруженные—вѣрный знакъ, что тамъ нѣтъ общественной безопасности; въ описываемое время въ Россіи значительный чинъ былъ тотъ же револьверъ, необходимый для извѣстной безопасности.

Мы говоримъ это не для того, чтобы показать, какъ при Екатеринѣ все измѣнилось (коренныхъ измѣненій во всю глубину народной жизни въ одно царствованіе и не бываетъ), но для того, чтобы показать, съ какимъ обществомъ имѣла дѣло императрица, которую вся Европа признавала представительницей и проводникомъ просвѣщенныхъ идей XVIII-го столѣтія. Указанные недостатки русской общественной жизни продолжали, хотя и въ меньшей степени, существовать и при ней, особенно вдали отъ крупныхъ центровъ; но важно уже то, что недостаткамъ этимъ объявлена была самая энергичная борьба, что на нихъ было обращено вниманіе и правительства и самого общества, что они, какъ только обнаруживались, подвергались преслѣдованію и осмѣивались въ тогдашней сатирической литературѣ, въ которой императрица принимала самое живое, дѣятельное участіе. Трудно уничтожить зло, накопившееся вѣками, но объявить войну этому злу, привлечь къ этой борьбѣ лучшія силы общества—это великая историческая заслуга. Указывая на это зло, увлекая за собою лучшихъ людей къ идеямъ и идеаламъ, Екатерина II положила прочныя начала развитію въ Россіи „общества“, „общественности“, „общественной мысли“.

До Екатерины правительство жило какъ-то особнякомъ отъ общества. О нуждахъ послѣдняго оно не торопилось справляться. Правда, дочь великаго Петра, Елизавета Петровна, обратилась къ нѣкоторымъ учрежденіямъ отца, произвела нѣсколько весьма важныхъ преобразованій, но это все таки не мѣшало весьма многому оставаться по старому: попрежнему всѣми дѣлами заправляли временщики, любимцы. Правда, и Екатерину исторія справедливо упрекаетъ въ фаворитизмѣ, но Екате

рина никогда не давала такой безконтрольной свободы своимъ фаворитамъ и послѣднимъ никогда не удавалось усыпить ея правительственную дѣятельность.

Въ царствованіе Елизаветы пришли наконецъ къ сознанію необходимости обращаться къ обществу и не пренебрегать его совѣтами. Въ 1760 г. было объявлено, что всѣ, кто пожелаетъ довести до свѣдѣнія правительства о чемъ либо, стѣсняющемъ развитіе промышленности и торговли, или о чемъ-либо, могущемъ содѣйствовать этому развитію, не стѣсняясь представляли бы свои мнѣнія въ Петербургѣ въ комиссію о комерціи, и въ городахъ—губернаторамъ и воеводамъ.

Но это было сдѣлано только за годъ до смерти императрицы и, кромѣ того, легко себѣ представить, съ какою тормозящею административною волокитою все это встрѣтилось бы на дѣлѣ. Гораздо цѣлесообразнѣе былъ другой планъ, который осуществился только при Екатеринѣ II. Именно, къ 1-му января 1762 года предполагалось созваніе въ Петербургѣ съѣзда депутатовъ отъ „всего общества“ (отъ дворянъ и купцовъ) „для слушанія вновь составленнаго уложенія законовъ.“ Предполагалось приняться за учрежденіе гимназій по всѣмъ губернскимъ городамъ и школъ по уѣздамъ. Но всѣ эти благія начинанія за смертью императрицы не были приведены въ исполненіе. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ указовъ императрица Елизавета Петровна дѣлаетъ вѣрную характеристику своей эпохи слѣдующими словами: „ненасытная алчба къ корысти дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ лихоимства, пристрастіе—предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе—ободреніемъ беззаконниковъ.“ Очевидно, была самая настоятельная нужда въ новомъ уложеніи.

Вступила на престолъ Екатерина II. Вотъ какъ сама она описываетъ состояніе государства въ этотъ моментъ: „финансы были истощены; армія не получала жалованья за три мѣсяца; торговля находилась въ упадкѣ, ибо многія отрасли ея были отданы въ монополію; не было правильной системы въ государственномъ хозяйствѣ; военное вѣдомство было погружено въ долги; морское едва держалось, находясь въ крайнемъ пренебреженіи; духовенство было крайне недовольно отнятіемъ у него земель; правосудіе продавалось съ торгу и законами руководились только въ тѣхъ случаяхъ, когда они благопріятствовали людямъ сильнымъ“.

Присмотрѣвшись ко многому въ царствованіе Елизаветы и въ короткое царствованіе Петра III-го, воодушевленная гуманными философскими воззрѣніями „просвѣщеннаго вѣка“, Екатерина вступила на престолъ съ самыми возвышенными намѣреніями и съ самыми блестящими надеждами, которыя вполнѣ гармонировали съ ея замѣчательными способностями и съ ея взглядами на обязанности правительницы. Рѣдко въ такой степени, какъ у нея, усидчивость труда по исполненію монархическихъ обязанностей соединялась съ чувствомъ отвѣтственности предъ народомъ и государствомъ. Въ то же время рѣдко въ такой же мѣрѣ встрѣчались оптимизмъ, увѣренность въ успѣхѣ, вѣра въ собственный талантъ и въ свою нѣкоторую непогрѣшимость. Вообще характеръ первыхъ дѣйствій Екатерины II-ей послѣ ея воцаренія, идеальное ея отношеніе къ своему призванію производятъ самое освѣжающее впечатлѣніе. Она была дочь своего вѣка. Чуткая въ сильной степени къ высшимъ интересамъ человѣка, она страстно слѣдила за умственнымъ движеніемъ столѣтія и, не сочувствуя здѣсь всему, преклонялась вообще предъ движеніемъ европейской мысли. Ставши

самовластной государыней, она хотѣла примѣнить результаты этого движенія къ русской жизни. Она любила говорить, что ея девизъ—пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись надъ этимъ девизомъ: „полезное.“ Съ какимъ благороднымъ оптимизмомъ смотрѣла она и на свое назначеніе и на судьбу ввѣреннаго ей Провидѣніемъ народа, видно изъ слѣдующихъ словъ ея въ одномъ изъ писемъ къ Вольтеру, мнѣніемъ котораго о себѣ она особенно дорожила: „я думаю, вамъ бы понравилось сидѣть за столомъ, гдѣ сидятъ вмѣстѣ православный, еретикъ и мусульманинъ; спокойно слушаютъ голосъ идолопоклонника и всѣ четверо совѣщаются о томъ, чтобы ихъ мнѣніе могло быть принято всѣми. Они такъ хорошо забыли обычай поджаривать другъ друга, что еслибы кто нибудь предложилъ депутату сжечь своего сосѣда въ угоду Высшему Существу, то отвѣчаю, что не было бы ни одного, который бы ни отвѣтилъ: „онъ человѣкъ, какъ и я, а по первому параграфу инструкціи ея императорскаго величества *мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра и никакого зла.*“

Къ сожалѣнію, цѣлыхъ 13 лѣтъ мудрой императрицѣ пришлось отвлекаться отъ своихъ непосредственныхъ задачъ въ борьбѣ съ различными неожиданными затрудненіями. То являлись претенденты на престолъ, то самозванцы, въ родѣ Пугачева, мутившіе народъ, утомленный духвѣковымъ рабствомъ. Но все это нисколько не лишало ее энергіи и бодраго настроенія духа, не прерывало ея многосторонней дѣятельности. Вообще все время своего царствованія она провела въ непрерывномъ трудѣ. Въ ея перепискѣ,—а она переписывалась со всѣми, отъ кого ожидала получить полезные для своей дѣя-

тельности совѣты*),—въ ея бесѣдахъ съ приближенными постоянно обнаруживаются необычайныя ея способности къ занятіямъ дѣлами, ея громадная рабочая сила, умственный перевѣсъ надъ окружавшими ее людьми и добросовѣстное отношеніе къ обязанностямъ правительницы. Ея кроткое, мягкое обращеніе съ окружающими, личное участіе въ дѣлахъ, ясность сужденій, обширный запасъ свѣдѣній,—все это представляло явную противоположность той несамостоятельности и случайности, которыми отличалось царствованіе Елизаветы Петровны и той грубости нрава и ограниченности, которыя такъ непріятно бросались въ глазаа въ личности Петра III-го. Ея личность производила на всѣхъ и каждаго глубокое впечатлѣніе. Вообще говоря, монархическое начало имѣло въ ней самаго достойнаго представителя. Вся ея дѣятельность вытекала изъ вполнѣ опредѣленной и ясно сознанной системы, въ основаніи которой лежали идеи „просвѣщеннаго вѣка". Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить ея Наказъ, составленный для руководства комиссіи, собранной въ 1767 году для составленія новаго уложенія. Нельзя, конечно, отрицать и значительной доли тщеславія, которое примѣшивалось къ этой дѣятельности и заставляло ее, въ перепискѣ съ представителями французскаго просвѣщенія, какъ бы оправдываться въ своихъ поступкахъ или объяснять, мотивировать тѣ или другія изъ своихъ правительственныхъ дѣйствій, но надо помнить, что такъ дѣйствовала не одна она; вліяніе философовъ XVIII-го вѣка и „патріарха" ихъ, Вольтера, было такъ велико, что предъ ихъ авторитетомъ преклонялись и симпатій ихъ искали рѣшительно всѣ, кто хотѣлъ дѣйствовать въ духѣ про-

*) Особенное значеніе для ея характеристики имѣетъ ея переписка [болѣе чѣмъ 2 -ти лѣтняя] съ Гриммомъ.

свѣтительныхъ идей того времени. Кромѣ того, не надо забывать, что каждому человѣку, горячо преданному своему дѣлу, свойственно желаніе получить симпатіи, одобреніе, поощреніе отъ людей, руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ эпохи. Во всякомъ случаѣ Екатерина совершенно искренно говорила въ своихъ записках: „я желаю только добра странѣ, куда Богъ меня привелъ. Слава страны составляетъ мою собственную. Вотъ мой принципъ. Была бы я очень счастлива, если-бы мои идеи могли этому содѣйствовать".

Частныя ея мѣропріятія во внутренней ея дѣятельности можно обобщить одною задачей: распространить въ Россіи просвѣщеніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Продолжая въ этомъ направленіи дѣятельность великаго своего предшественника, Петра I-го, она уже не ограничивалась одними только практическими нуждами русскаго народа; она стремилась привить къ Россіи не только внѣшніе результаты европейской цивилизаціи, но и самый духъ ея: въ этомъ и заключается причина того различія, которое мы замѣчаемъ въ ея способѣ дѣйствій сравнительно съ дѣйствіями Петра Великаго. Петръ прибѣгалъ къ внѣшнимъ средствамъ, къ „дубинкѣ",—Екатерина взывала къ внутреннему міру человѣка. Петръ принуждалъ, Екатерина привлекала къ подражанію Западу. Петръ, увлекшись западною цивилизаціей, старался перенести въ Россію западные обычаи и западные порядки безъ всякаго измѣненія. Екатерина также многое заимствовала съ Запада, но всѣ свои преобразованія она старалась согласовать съ нравами и міровоззрѣніемъ русскаго народа. Она стремилась создать русское *общество* и сдѣлать его европейскимъ не только по внѣшности, но и по существу, хотя и она подъ обществомъ разумѣла преимущественно одно дворянство.

Теперь разсмотримъ въ отдѣльности главнѣйшіе моменты ея внутренней дѣятельности.

Одною изъ первыхъ заботъ Екатерины было составленіе новаго уложенія законовъ, въ которомъ ощущалась необходимость съ самаго начала XVIII-го вѣка. Во всѣ предшествовавшія царствованія, начиная съ Петра I-го, прилагались заботы къ осуществленію этой важной цѣли, но дѣло постоянно откладывалось и не подвигалось впередъ. Отдѣльные указы накоплялись, но къ кодификаціи законовъ никто не приступалъ. Екатерина, тотчасъ по вступленіи на престолъ, поняла, что прежде всего необходимо позаботиться объ улучшеніи правосудія и объ урегулированіи законодательства. Она, по собственному ея выраженію, сознавала, что „великую помѣху для правосудія составлялъ во многихъ случаяхъ недостатокъ узаконеній, а въ другихъ—слишкомъ большое обиліе законовъ противорѣчивыхъ.“ Кромѣ того, какъ говорилось въ манифестѣ, „чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался; сверхъ того, еще умножила затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними.“ Императрица рѣшила устранить эту „великую помѣху“ и съ этою цѣлью созвала комиссію изъ людей всѣхъ сословій и званій и ей поручила составленіе проекта новаго уложенія.

30-го іюня 1767 года съ большою торжественностью совершилось открытіе комиссіи въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ. Всего собралось въ Москву 559 депутатовъ: 160 отъ дворянъ (большею частью военныя и чиновныя лица), 207—отъ городовъ (преимущественно купцы), 164—отъ крестьянъ, казаковъ и инородцевъ и 28—отъ правительственныхъ мѣстъ. По количеству, слѣдовательно,

преобладали представители отъ городовъ, но наиболѣе вліянія имѣли дворянскіе депутаты. Какое высокое значеніе придавала она дѣятельности этой комиссіи, видно изъ тѣхъ привиллегій, которыми были пожалованы депутаты. Они навсегда были избавлены отъ смертной казни, тѣлесныхъ наказаній и пытки, какое бы ни совершили преступленіе; имѣніе ихъ можно было конфисковать только за долги; за обиду, нанесенную депутату, назначалось двойное наказаніе; въ знакъ своего избранія они носили золотую медаль съ вензелемъ императрицы и съ надписью; „блаженство каждаго и всѣхъ."

Пусть говорятъ историки, что комиссія ничего не сдѣлала, что уложенія, для котораго она была собрана, такъ и не появилось. Важенъ уже самый фактъ ея созванія; важно введеніе въ общее сознаніе новыхъ началъ жизни,, новихъ идей, въ основаніе этого факта положенныхъ. Отнынѣ общество будетъ привыкать къ мысли, что и его участіе необходимо въ общемъ ходѣ государственной жизни, что и ему должна принадлежать извѣстная доля иниціативы и, переживъ тяжелые дни въ царствованіе императора Павла I-го, оно впослѣдствіи вполнѣ сознательно, съ живымъ интересомъ отнесется къ преобразовательной дѣятельности императора Александра II-го. Но, какъ бы тамъ ни было, Комиссію Уложенія ожидала обширная работа. Надо было разсмотрѣть всѣ депутатскіе наказы, полученные депутатами отъ ихъ избирителей,—а ихъ было до 1264,—и всѣ указы правительства, которыхъ съ Уложенія Алексѣя Михайловича накопилось болѣе 12,000. Руководить занятіями Большой Комиссіи должны были: маршалъ (Бибиковъ) и дирекціонная комиссія, которая для отдѣльныхъ вопросовъ должна была назначать частныя комиссіи. На самомъ дѣлѣ, императрица должна была

сама за всѣхъ работать, такъ какъ ни маршалъ, ни члены дирекціонной комиссіи не были подготовлены къ своимъ обязанностямъ и имѣли весьма слабыя знанія въ законодательствѣ. Работа въ комиссіяхъ шла безпорядочно; такъ же безпорядочно шли и пренія въ Большой Комиссіи, гдѣ, между прочимъ, депутаты, даже изъ купцовъ, обнаруживали большой здравый смыслъ и прекрасное пониманіе многихъ настоятельныхъ нуждъ государства. Заявленныя мнѣнія, такъ же, какъ и депутатскіе наказы, по поводу которыхъ они высказывались, не сводились по группамъ и потому не получалось опредѣленныхъ рѣшеній. Не сдѣлавъ такимъ образомъ дѣйствительно ничего опредѣленнаго, Комиссія, по случаю открывшейся войны съ турками, въ декабрѣ 1768 года была распущена. Тѣмъ не менѣе она принесла значительную пользу уже въ томъ отношеніи, что познакомила правительство съ нуждами народа,—особенно на окраинахъ,—о которыхъ раньше оно не имѣло достаточно яснаго представленія. „Комиссія Уложенія,—говоритъ сама Екатарина II, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ должно заботиться... Многіе стали судить о цвѣтахъ по цвѣтамъ, а не какъ слѣпые.“ И дѣйствительно, депутатскіе наказы, пренія въ Большой Комиссіи и работы частныхъ комиссій послужили основаніемъ для многихъ дальнѣйшихъ узаконеній императрицы, въ особенности относительно дворянства. Но не объ одномъ дворянствѣ заботилась императрица. Исходя изъ убѣжденія, что государству нужны не рабы, а граждане, уважающіе законъ, она внимательно относилась къ положенію крестьянъ и освобожденіе ихъ считала необходимымъ не только изъ чувства гуманности, отличающаго передовыхъ людей XVIII-го вѣка, но и ради государственной пользы.

За два года до созыва Комиссіи Уложенія, въ 1765 году, въ Петербургѣ по совѣту новогородскаго губернатора Сиверса и по примѣру Англіи, было основано „Вольное Экономическое Общество", имѣвшее цѣлью изслѣдовать положеніе въ Россіи земледѣлія и всячески стараться о его улучшеніи. Это Общество, вскорѣ послѣ своего открытія, по предложенію самой Екатерины, объявило для конкурса на премію такую тему: „Такъ какъ для успѣховъ земледѣлія необходимо, чтобы крестьяне владѣли какою-либо собственностью, то какого рода должна быть эта собственность?" Общество объявило тему и получило 162 сочиненія, изъ которыхъ большинство было нѣмецкихъ; русскихъ авторовъ оказалось только 7. Лучшими сочиненіями признаны были двѣ работы: одна принадлежала французскому ученому Беарде-де-Лабею, другая русскому молодому законовѣду, получившему образованіе заграницей, Полѣнову. Намъ, конечно, интересно знать мнѣніе русскаго ученаго. Полѣновъ собственно не былъ сторонникомъ полнаго освобожденія крестьянъ. По его проекту владѣльцами земли попрежнему оставались помѣщики, но они должны были уступить крестьянамъ необходимые для нихъ участки земли за извѣстную плату; оброки и различныя повинности оставались, но только подъ условіемъ точнаго ихъ обозначенія въ законѣ; движимое имущество (скотъ, продукты земледѣлія) должны были оставаться въ полномъ распоряженіи крестьянъ.

Вопросъ о крестьянствѣ возникъ и въ Комиссіи Уложенія. Здѣсь тоже оказывались сторонники снабженія крестьянъ земельною собственностью и ограниченія помѣщичьей власти. Но всѣ труды и пренія Комиссіи по этому вопросу никакихъ реальныхъ результатовъ не имѣли. Опираясь во всѣхъ своихъ начинаніяхъ на дво-

рянство, Екатерина не рѣшилась къ данномъ случаѣ дѣйствовать наперекоръ дворянскимъ интересамъ и несмотря на ея личное сочувствіе къ крестьянамъ, положеніе ихъ въ ея царствованіе, можно сказать, даже нѣсколько ухудшилось. Произошло это оттого, что, ожидая рѣшенія крестьянскаго вопроса отъ дворянства, Екатерина временно запретила принимать отъ крестьянъ жалобы на помѣщиковъ. Императрица опасалась раздражать ихъ и боялась помѣшать благопріятному разрѣшенію вопроса. Но затѣмъ эта временная мѣра такъ и осталась во всей своей силѣ, хотя крестьянскій вопросъ и не былъ рѣшенъ. Кромѣ того, желая объединить всѣ части имперіи подъ одними законами, Екатерина распространила крѣпостное право на Малороссію и на весь югъ Россіи, гдѣ его прежде не было. Можемъ ли мы осуждать ее за эту неудачу? Нѣтъ, эту неудачу нельзя объяснять ни недостаткомъ настойчивости съ ея стороны, ни недостаткомъ въ ней увѣренности въ необходимости крестьянской реформы. И то, и другое, безспорно, было. Но не было самаго главнаго: не было еще у насъ въ ея время достаточно развитой общественной мысли, которая одна только и дѣлаетъ всякое коренное преобразованіе въ народной жизни возможнымъ и прочнымъ. Необходимо помнить, что соціальные вопросы окончательно разрѣшаются не произволомъ отдѣльнаго лица, а самою жизнью, что они имѣютъ свою исторію, подготовляющую условія, благопріятныя для ихъ разрѣшенія.

Потерпѣвъ неудачу въ крестьянскомъ вопросѣ, Екатерина, отвлекаемая внѣшними затрудненіями, всетаки успѣла многое сдѣлать для другихъ сословій. Въ 1785 году обнародовано было „городовое положеніе,“ по которому получило окончательное устройство общество купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ. Купечество было раздѣлено на три

гильдіи, сообразно съ объявляемыми оборотными капиталами. Купцы, вносившіе въ торговлю не меньше 10,000 руб., причислялись къ первой гильдіи; купцы съ капиталомъ не менѣе 1,000 руб.—ко второй, а съ капиталомъ въ 500 р.—къ третьей. Всѣ остальные, не имѣвшіе капитала или имущества на 500 руб., должны были записываться въ мѣщане. И купцамъ, и мѣщанамъ предоставлено было съ извѣстными ограниченіями право собственнаго суда и самоуправленія. Разъ въ три года они собирались, составляя „городскую думу,“ и избирали изъ своей среды городского голову и „шестигласную думу“ для направленія городскими дѣлами. Эта шестигласная дума, соотвѣтствующая нынѣшней управѣ, имѣла постоянныя засѣданія и главную ея обязанность составляли заботы о сборѣ и раскладкѣ податей и исполненіи казенныхъ повинностей. Въ томъ же 1785 году издана была и „жалованная грамота дворянству“, которою подтверждались всѣ права, данныя этому сословію Петромъ III и освобождавшія его отъ обязательной службы.

Чтобы понять, какое значеніе эта мѣра имѣла въ дѣлѣ насажденія въ Россіи европейской культуры, бросимъ взглядъ на исторію русскаго дворянства, которое значительно отличалось отъ дворянства западноевропейскаго. На западѣ, въ средніе вѣка, существовали феодалы, крупные землевладѣльцы—аристократы, имѣвшіе въ своихъ владѣніяхъ права верховной власти. Въ средніе же вѣка мы видимъ тамъ постоянную борьбу между монархическимъ началомъ и феодализмомъ, борьбу именно изъ-за этихъ функцій верховной власти, захваченныхъ феодалами. Въ этой борьбѣ за власть феодалы защищали свое положеніе противъ правительства не въ одиночку, а плотною массой, всѣмъ сословіемъ, заставляя государство идти на уступки и предоставлять имъ важныя

сословныя привиллегіи. Не такъ было у насъ. Та сила, на которую опиралась на западѣ феодальная аристократія, именно землевладѣніе, не имѣла у насъ большого значенія. Высшее сословіе въ древней Руси, боярство, не дорожило землею, съ обладаніемъ которою не соединялись ни верховныя права, ни большія экономическія выгоды; оно предпочитало въ качествѣ „вольныхъ слугъ" ходить изъ удѣла въ удѣлъ, отъ князя къ князю, отъ котораго получало вотчины и помѣстья, а также извѣстную часть доходовъ, связанныхъ съ управленіемъ и судомъ, „въ кормленіе". Такимъ образомъ, въ противоположность феодальному дворянству, наше боярство могло имѣть значеніе не какъ самостоятельное сословіе, а какъ сословіе „служилое". Поэтому-то, когда стало складываться московское государство, оно и не встрѣтило сплоченнаго класса землевладѣльцевъ, съ которыми необходимо было бы считаться и которымъ приходилось бы дѣлать уступки. Эти землевладѣльцы—вотчинники сразу же становятся въ подневольное положеніе; они обязаны служить государю, они прикрѣпляются къ государственной службѣ точно такъ же, какъ крестьяне прикрѣпляются къ землѣ, къ податному тяглу. Такимъ образомъ государство безъ всякаго труда обращаетъ „вольнаго слугу" въ крѣпостного „служилаго человѣка". Разумѣется, тутъ и рѣчи не могло быть о развитіи какихъ либо сословныхъ правъ и сословныхъ привиллегій. Еще потомки удѣльныхъ князей могли бы сплотиться и образовать сильную и вліятельную аристократію, но монархическая власть, особенно въ лицѣ Іоанна IV-го, считавшаго одною изъ священныхъ своихъ прерогативъ право возвышать бояръ „по своему изволенію", открыла систематическую борьбу противъ этого опаснаго для нея элемента,—борьбу, окончившуюся истребленіемъ титуло-

ваннаго боярства и полною нивеллировкою служилаго класса. Уже къ концу XVII-го вѣка различіе между нашимъ дворянствомъ и дворянствомъ западноевропейскимъ вполнѣ опредѣлилось. Въ то время какъ феодальная аристократія въ основу своего понятія о дворянской сословной чести полагала идею дворянскаго равенства, перства (отъ лат. par—равный), въ Москвѣ служилая „честь" опредѣлялась государевою милостью, близостью къ престолу, государевымъ „изволеніемъ", и вмѣсто понятія перства, поддерживавшаго корпоративный духъ западнаго дворянства, у насъ выработалась своеобразная система *мѣстничества*, система родовыхъ счетовъ, возникавшихъ при назначеніи на службу и еще болѣе препятствовавшихъ развитію корпоративной сословной сплоченности, поддерживая и питая постоянное соперничество между членами отдѣльныхъ боярскихъ родовъ и даже между членами одного и того же боярскаго рода *).

Но въ то же время въ исторіи нашего дворянства мы замѣчаемъ и другой процессъ, процессъ нивеллировки всего класса, обусловливаемый нивеллировкой землевладѣльческихъ правъ и подготовившій къ XVIII-му вѣку полное сліяніе разныхъ видовъ дворянскаго землевладѣнія (вотчинъ и помѣстій) въ одну категорію недвижимыхъ имуществъ, владѣемыхъ на правѣ полной собственности. Обстоятельство это, вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землямъ дворянъ, подготовило къ XVIII-му вѣку образованіе обширнаго сословія, которое нуж-

*) См. *Милюкова* „Очерки по исторіи русской культуры" въ жур. „Міръ Божій" за 1895 г. ноябрь, откуда мы заимствуемъ это разсужденіе. Вопросъ о политической роли русскаго боярства подробно разработанъ и въ извѣстномъ сочиненіи московскаго профессора *Ключевскаго* „Боярская Дума".

далось теперь только въ извѣстной системѣ привиллегій для обозобленія отъ общей массы населенія. Эти-то сословныя привиллегіи и даны были въ XVIII-мъ вѣкѣ. Постепенно дворянство освободилось отъ обязательной службы: „благородное россійское шляхетство“ перестаетъ быть служилымъ сословіемъ; къ своимъ прежнимъ правамъ оно при Екатеринѣ II присоединяетъ сословную организацію и получаетъ первенствующую роль въ областномъ управленіи. Такимъ образомъ впервые въ сословной жизни Россіи является нѣчто похожее на Западъ, именно привиллегированное сословіе, составляющее въ то же время и наше „общество“ конца XVIII-го вѣка. Въ этомъ и заключается сущность „жалованной грамоты“. Теперь и „государево изволеніе“ по отношенію къ этому сословію получило нѣкоторое ограниченіе. Было постановлено, что дворянинъ можетъ быть лишенъ своего званія только по суду, за извѣстныя преступленія; судить же дворянина имѣли право только дворяне. Дворянство освобождалось отъ всякихъ податей и тѣлесныхъ наказаній; званіе дворянина передавалось его женѣ и было наслѣдственнымъ въ его родѣ. Каждый дворянинъ имѣлъ право владѣть помѣстьями и поселенными въ нихъ крестьянами, которыхъ онъ могъ покупать и продавать по своему произволу. Дворянамъ въ каждой губерніи было предоставлено право выбирать изъ своей среды лицъ на разныя почетныя должности. Выборы эти должны были производиться въ дворянскихъ собраніяхъ; участвовать въ выборахъ могли тѣ, кто дослужился въ государственной службѣ до перваго офицерскаго или гражданскаго чина. Этимъ правомъ Екатерина хотѣла привлечь дворянъ на государственную службу. О своихъ нуждахъ дворяне могли ходатайствовать не только передъ намѣстникомъ и въ сенатѣ, но и обращаясь прямо

къ верховной власти. Они могли также заниматься промыслами и различными производствами.

Въ 1775 г. было издано „учрежденіе о губерніяхъ“, которымъ установлялся порядокъ управленія во всемъ государствѣ. Припомнимъ кстати, что было сдѣлано для областной администраціи Петромъ I. Онъ раздѣлилъ все государство на 12 губерній, подраздѣливъ каждую губернію на провинціи. Губерніи управлялись губернаторами, провинціи—воеводами. Въ помощь губернаторамъ дворянство избирало изъ своей среды ландратовъ, съ которыми губернаторы должны были совѣщаться. Кромѣ того, судебная власть была отдѣлена отъ правительственной и въ важнѣйшихъ городахъ имперіи учреждены были надворные суды.

При Екатеринѣ прежнее административное дѣленіе Россіи уже не соотвѣтствовало ни размѣрамъ ея, ни новымъ потребностямъ. Вся имперія была теперь раздѣлена на 50 губерній, каждая губернія подраздѣлялась на уѣзды. Каждой губерніей управляли губернаторы; нѣсколько губерній соединялось подъ властью намѣстника. На обязанности губернаторовъ и намѣстниковъ лежало не только наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, но они должны были также заботиться о проведеніи дорогъ, устройствѣ каналовъ, о развитіи промышленности и земледѣлія, о народномъ здравіи, о безопасности отъ пожаровъ, о возведеніи, гдѣ только возможно, каменныхъ построекъ, а также о сближеніи людей, о распространеніи общежитія и свѣтскости, для чего устраивали балы, публичныя собранія, различныя празднества и т. п.

Въ основаніе новаго административнаго дѣленія имперіи было положено извѣстное количество жителей, именно 300—400 тыс. на каждую губернію. Въ этомъ заклю-

чался недостатокъ новой мѣры, такъ какъ не приняты были въ разсчетъ ни промыслы жителей, ни народныя ихъ особенности, ни особенности природы. Затѣмъ, императрица, знакомая по соч. Монтескье („Духъ законовъ"),—которымъ она пользовалась при составленіи своего Наказа,—съ теоріей раздѣленія властей, такъ послѣдовательно проведенною въ англійскомъ государственомъ устройствѣ, позаботилась о еще болѣе строгомъ отдѣленіи суда отъ администраціи, чѣмъ это было до нея. Кромѣ того, и гражданскій судъ былъ отдѣленъ отъ суда уголовнаго. Въ каждомъ уѣздѣ суды были установлены по сословіямъ и въ этомъ заключалась одна изъ ошибокъ Екатерины, препятствовавшая сближенію сословій. Въ уѣздныхъ городахъ находились: *уѣздный судъ* для дворянъ, *городовой магистратъ* для купцовъ и мѣщанъ, *нижняя расправа* для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ. Въ губернскихъ городахъ находились высшія инстанціи: *верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, верхняя расправа, уголовная палата, гражданская палата.* Въ общихъ чертахъ все это устройство существовало до новѣйшаго времени, т. е. до преобразованій императора Александра II го.

Весьма важныя преобразованія внесла Екатерина и въ бытъ нашего духовенства и монастырей. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она назначила комиссію для точной описи всѣхъ церковныхъ земель и доходовъ, а указомъ 1764 года всѣ монастырскія имущества и крестьяне великорусскаго духовенства, которыхъ насчитывалось болѣе 900,000 чел., были переданы въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи, а изъ доходовъ монастырскихъ имѣній приказано было выдавать по особому штату деньги на содержаніе монастырей, архіерейскихъ домовъ, церквей и чиновъ духовнаго вѣдомства. Всѣ же остатки

отъ этихъ доходовъ были обращены на распространеніе просвѣщенія и на дѣла благотворительности. Этими новшествами духовенство было очень недовольно; особенно возсталъ противъ нихъ ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ. Онъ подалъ въ Сунодъ донесеніе, въ которомъ рѣзко нападалъ на эти мѣры и дѣлалъ оскорбительныя для государыни замѣчанія. Сунодъ представилъ это донесеніе Екатеринѣ, разсчитывая на ея обычную мягкость. Но надежда не оправдалась: донесеніе Арсенія вызвало такое раздраженіе въ Екатеринѣ, какого не замѣчали въ ней ни прежде, ни послѣ. Она не могла простить русскому митрополиту сравненіе съ Юліаномъ-Отступникомъ и Іудою и желаніе выставить ее нарушительницею своего слова. Митрополитъ Арсеній былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Архангельскую епархію, въ Николаевскій монастырь, а затѣмъ, вслѣдствіе новыхъ обвиненій, къ лишенію монашескаго сана и пожизненному заточенію въ Ревель *).

Мы знаемъ, что и Петръ Великій не ладилъ съ духовенствомъ, враждебно настроеннымъ къ его преобразованіямъ, и учрежденіе при немъ Сунода (взамѣнъ патріаршества) было слѣдствіемъ его желанія освободить верховную власть отъ всякаго стѣсненія со стороны церкви. Какъ показываетъ только что описанный эпизодъ, Екатерина окончательно укрѣпила верховную власть въ этомъ положеніи, созданномъ для нея Петромъ Великимъ.

Будучи ревностной послѣдовательницей просвѣщенныхъ идей XVIII-го вѣка, въ числѣ которыхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимала идея вѣротерпимости,

---

*) Объ этомъ весьма интересномъ эпизодѣ существуетъ спеціальное изслѣдованіе проф. Иконникова «Арсеній Мацѣевичъ».

Екатерина сдѣлала нѣкоторыя облегченія въ тяжкомъ до нея положеніи раскольниковъ. Съ нихъ были сняты тяготѣвшія на нихъ со временъ Петра I-го подати; они были избавлены отъ обязанности носить особую одежду; имъ дано было право свидѣтельствовать на судѣ, служить по выборамъ и проч. Наконецъ, признававшимъ священство и отличавшимся только тѣмъ, что они слѣдовали въ богослуженіи старопечатнымъ книгамъ и нѣкоторымъ стариннымъ обрядамъ, дозволено было, по ходатайству Потемкина, имѣть свои храмы и священниковъ, поставленныхъ православными епископами. Съ тѣхъ поръ они стали извѣстны подъ названіемъ „единовѣрцевъ".

Обширныя внутреннія преобразованія и продолжительныя войны постоянно приводили къ финансовымъ затрудненіямъ, которыя еще усиливались неустановившеюся цѣнностью монеты, часто мѣнявшеюся и несоотвѣтствовавшей цѣнности ея матерьала. Екатерина начала съ того, что уровняла номинальную цѣну монеты съ ея дѣйствительною стоимостью, и изъяла изъ обращенія малоцѣнную монету. Затѣмъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ ей удалось уплатить всѣ государственные долги, унаслѣдованные отъ правительства Елизаветы, и даже съэкономить болѣе 5 мил. рублей. Но войны и преобразованія требовали все новыхъ и новыхъ расходовъ. Въ виду этихъ финансовыхъ затрудненій Екатерина рѣшилась на мѣру, которая принята была при Петрѣ III, но была отмѣнена въ началѣ царствованія Екатерины. Въ 1769 г. введены были вмѣсто денегъ ассигнаціи, которыя должны были имѣть во всей имперіи обращеніе наравнѣ съ ходячею монетою и приниматься во всѣ платежи, какъ

казенные, такъ и частные.*) Въ Москвѣ и Петербургѣ основаны были ассигнаціонные банки. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, объявлялось, что „ассигнацій будетъ выдаваемо столько, а не болѣе, какъ въ банкахъ капитала наличнаго будетъ состоять". Однако, Екатерина не выдержала до конца этого основного правила: съ теченіемъ времени количество ассигнацій было чрезмѣрно увеличено, сравнительно съ основнымъ капиталомъ и въ результатѣ получилось, что серебряный рубль сталъ равняться $3^1/_2$ руб. на ассигнаціи. Такое пониженіе цѣнности ассигнацій весьма вредно отразилось на обществѣ, особенно на низшихъ его классахъ, такъ какъ одновременно съ пониженіемъ цѣнности ассигнацій повышалась цѣна на всѣ товары, въ томъ числѣ и на предметы первой необходимости; такимъ образомъ понижался и уровень благосостоянія населенія. Итакъ, примѣръ Франціи, пострадавшей въ 1720 г. отъ краха ассигнаціоннаго банка, не имѣлъ для Россіи поучительнаго значенія. Въ оправданіе Екатерины II напомнимъ еще разъ о тѣхъ многочисленныхъ затрудненіяхъ, которыя осложняли и внѣшнюю, и внутреннюю ея политику и требовали громадныхъ расходовъ, чрезвычайнаго напряженія финансовыхъ силъ государства.

Изъ другихъ финансовыхъ мѣропріятій Екатерины укажемъ еще слѣдующія. Вмѣсто двухъ елизаветинскихъ банковъ (дворянскаго и купеческаго) она учредила одинъ

---

*) Идея эта раньше была осуществлена, весьма неудачно впрочемъ, во Франціи. По мысли шотландскаго эмигранта *Джона Ло* въ регенство Филиппа Орлеанскаго (за малолѣтствомъ короля Людовика XV) былъ основанъ ассигнаціонный банкъ, который потерпѣлъ крахъ въ 1720 г. вслѣдствіе того, что количество ассигнацій далеко превысило имѣвшееся обезпеченіе ихъ золотомъ. Множество частныхъ лицъ совершенно разорилось.

заемный банкъ, ссужавшій дворянамъ и горожанамъ деньги подъ извѣстное обезпеченіе по 5%. Далѣе, изыскивая новыя средства для пополненія казны, она ввела винные откупа, весь вредъ которыхъ, какъ для самой казны, такъ и для населенія, обнаружился лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи; а для болѣе правильнаго поступленія въ казну государственныхъ доходовъ, которые при ней возрасли отъ 20 до 65 милліоновъ рублей (чему способствовали, конечно, новыя территоріальныя пріобрѣтенія), учредила въ уѣздныхъ городахъ казначейства, а въ губернскихъ—казенныя палаты.

Не мало труда и денегъ было затрачено и на заселеніе окраинъ. По уничтоженіи Запорожской Сѣчи, запорожцы были выселены на р. Кубань и вошли въ составъ Черноморскаго войска, а земли ихъ отошли къ Азовской и Новороссійской губерніямъ, заботы о заселеніи которыхъ были поручены Потемкину. Новыя земли щедро раздавались вельможамъ, но съ условіемъ ихъ заселенія. Кромѣ того, принимались въ русское подданство и поселялись въ Южной Россіи славяне, преимущественно сербы, переходившіе къ намъ въ большомъ количествѣ изъ Турціи и Австріи, и иностранные колонисты, преимущественно нѣмцы, селившіеся также и на востокѣ, по Волгѣ, и получившіе различныя льготы и пособія на первые обзаведеніе, а также армяне, переселявшіеся къ намъ изъ Персіи и Турціи.

Но больше всего Екатерина заботилась объ улучшеніи нравовъ въ русскомъ обществѣ и о распространеніи просвѣщенія. Она строго наказывала помѣщиковъ за жестокое обращеніе съ крестьянами, привлекая къ этому дѣлу и церковь, которая должна была внушать провинившимся христіанскія чувства по отношенію къ низшему населенію. Она старалась воздѣйство-

вать на общество и чрезъ литературу, преимущественно чрезъ сатирическія и нравоучительныя произведенія. Наибольшее же вниманіе обращала она на правильную постановку воспитанія, надѣясь такимъ образомъ создать „новую породу людей.“ Вопросу о воспитаніи посвящена особая глава и въ ея Наказѣ. Вотъ въ какихъ словахъ резюмировала она здѣсь свои воззрѣнія, которыми должны были руководствоваться и въ училищахъ, и въ семьяхъ: „Должно вселять страхъ Божій, утверждать сердце дѣтей въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать дѣтей къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастныхъ, и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ: однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время они могутъ быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ“.

„Правила воспитанія,—говоритъ она въ другомъ мѣстѣ,—суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами.“ Воспитаніе, по мнѣнію мудрой императрицы, есть главнѣйшее средство сдѣлать и самихъ людей и отношенія между ними лучшими. Не забудемъ, что это было время, когда и наука и практика воспитанія на Западѣ сдѣлали громадные успѣхи.

Съ Запада (отъ Руссо и энциклопедистовъ) была заимствована идея о возможности создать новую породу людей, болѣе способную къ воспріятію началъ европейской цивилизаціи. Въ связи съ этою идеей находилась и другая мысль, именно мысль о необходимости предпочесть общее образованіе спеціальному и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить особенное вниманіе на нравственное развитіе юношества. По новымъ взглядамъ воспитаніе должно быть всестороннимъ; цѣль его—развитіе всѣхъ способностей человѣка, и физическихъ и умственныхъ, и особенно нравственныхъ. Развитіе нравственнаго чувства должно стоять на первомъ мѣстѣ, ибо одно ученіе безсильно производить истинно полезныхъ гражданъ: кромѣ обогащенія ума наукою, необходимо облагороженіе сердца: доброта, честность, правдивость, сознаніе долга, патріотизмъ,—вотъ добродѣтели, которыя должны отличать настоящихъ гражданъ. Образецъ истиннаго воспитанія Екатерина даетъ въ своей нравоучительной сказкѣ „о Февеѣ, красномъ солнышкѣ“ (ею было написано много книгъ для дѣтскаго чтенія): онъ имѣлъ сердце доброе, былъ жалостливъ, щедръ, учтивъ, привѣтливъ, вездѣ и всегда повиновался истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи гнушался до того, что не прибѣгалъ къ ней даже въ шуткахъ.

Высказывая такія мысли и смотря на дѣло народнаго образованія въ Россіи съ такой точки зрѣнія, Екатерина вносила весьма важную поправку въ просвѣтительную дѣятельность Петра Великаго, принужденнаго силою обстоятельствъ исключительно обратить свое вниманіе на одну сторону воспитанія, на усвоеніе знаній, притомъ знаній чисто практическаго характера. Такимъ образомъ исторія *воспитанія* въ Россіи,—въ полномъ

смыслѣ этого слова,—начинается у насъ съ Екатерины II-й, и въ исторіи русской педагогіи имя ея должно занять самое почетное мѣсто, какъ имя основательницы у насъ новой педагогической системы. Чтобы провести эту систему въ жизнь, въ общественное сознаніе, она не ограничилась одними указами и предписаніями, она много времени и труда потратила на популяризацію новыхъ идей, какъ авторъ первыхъ у насъ въ Россіи книжекъ для дѣтскаго чтенія. Поэтому въ словахъ, обращенныхъ къ ней современными панегиристами, утверждавшими, что „Петръ россамъ далъ *тѣла*, Екатерина *душу*", въ сущности нѣтъ никакого преувеличенія. Новая педагогическая система, утвердившая въ Россіи и донынѣ существующіе принципы воспитанія, внесла переворотъ и въ школьную практику. Теперь требовалось и отъ педагоговъ самое серьезное отношеніе къ дѣлу: механизмъ при усвоеніи знаній, изсушающая умъ ребенка „зубристика" отходила въ область прошлаго; требовалось развитіе въ ученикахъ самодѣятельности и сознательное усвоеніе учебнаго матеріала, а мѣсто грубыхъ взысканій и тѣлесныхъ наказаній должно было отнынѣ занять нравственное воздѣйствіе воспитателя на душу ребенка. Всѣ эти новыя воззрѣнія на задачи и пріемы воспитанія Екатерина изложила въ своей „Инструкціи" Салтыкову, назначенному воспитателемъ ея внуковъ, великихъ князей Александра и Константина. Сравните эту инструкцію съ какимъ-либо современнымъ сочиненіемъ по педагогикѣ и вы убѣдитесь, что по существу между воззрѣніями, внесенными въ русское общество Екатериною, и воззрѣніями современныхъ педагоговъ нѣтъ разницы*).

---

*) См. „Педагогическую Психологію" *Каптерева*. Петерб. 1883 г. стр. 206.

Остановившись на идеѣ о созданіи „новой породы людей“, Екатерина естественнымъ образомъ пришла къ мысли о необходимости учрежденія закрытыхъ учебныхъ заведеній. Вполнѣ очевиднымъ представлялся тотъ фактъ, что новое воспитаніе не достигнетъ своей цѣли, если не будутъ разъединены между собою два смежныхъ поколѣнія, изъ которыхъ одно, старшее, погрязло въ невѣжествѣ и рутинѣ, а другому, младшему, грозила бы подобная же участь; если не будетъ поставлена между ними искусственная преграда; если не будутъ закрыты всѣ пути, которыми старые рутинеры, „звѣрообразные и неистовые въ словахъ и поступкахъ“, распространяли свое вліяніе на юные и незрѣлые умы подростающаго поколѣнія. Такой искусственной преградой должны были явиться закрытыя школы (интернаты), гдѣ предполагалось выдерживать дѣтей до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ ихъ умъ и не окрѣпнутъ привычки къ иной, просвѣщенной, средѣ.

Главнымъ сотрудникомъ Екатерины въ ея заботахъ о воспитаніи юношества былъ генералъ Бецкій, человѣкъ, усвоившій просвѣтительныя идеи XVIII-го вѣка, хотя и не имѣвшій глубокихъ, основательныхъ знаній. При его содѣйствіи въ 1764 г. былъ открытъ Смольный институтъ (называвшійся „монастыремъ“),— закрытое учебное заведеніе съ двумя отдѣленіями, для дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, а вскорѣ были преобразованы и кадетскіе корпуса. Въ Смольномъ преподавались слѣдующіе предметы: 1) въ возрастѣ отъ 6—9 лѣтъ: Законъ Божій, русскій и иностранные языки, ариѳметика, рисованіе, танцы, пѣніе, музыка, рукодѣліе; 2) отъ 9—12 къ этимъ предметамъ присоединялись: географія, исторія, домоводство; 3) отъ 12—15: чтеніе нравоучительныхъ и историческихъ книгъ, понятія объ

архитектурѣ и геральдикѣ, практическое домашнее хозяйство; 4) отъ 15—18 лѣтъ: повтореніе всего прежняго съ обращеніемъ особеннаго вниманія на Законъ Божій, правила благонравія и свѣтскаго обхожденія и учтивости.

Въ этомъ институтѣ былъ сдѣланъ, такъ сказать, первый шагъ къ сближенію сословій: мѣщанскія дѣвочки получали право обучаться если и не вмѣстѣ съ дворянскими, то во всякомъ случаѣ въ одномъ учрежденіи.

Не забыты были и дѣти незаконнорожденныя. Для нихъ учреждены были воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ, и такимъ образомъ естественно должно было уменьшиться количество преступленій извѣстнаго рода, не говоря уже о томъ, что дѣти, лишенныя родителей, брались на воспитаніе самимъ государствомъ.

Что касается народнаго образованія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то въ 1782 г. была открыта „Коммиссія для учрежденія народныхъ училищъ". Тутъ главнымъ дѣятелемъ явился сербъ Янковичъ-де-Миріево, рекомендованный Екатеринѣ другимъ представителемъ „просвѣщеннаго абсолютизма", австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, съ которымъ Екатерина была въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и вела оживленную переписку. Янковичемъ былъ выработанъ планъ устройства народныхъ училищъ; ему же принадлежалъ выборъ и переводъ нѣкоторыхъ иностранныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ. Въ заявленіи коммиссіи было сказано: „Благополучнымъ быть есть предметъ каждаго человѣка; отъ добраго воспитанія и руководства еще съ младыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина, всѣ его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе зависитъ. Государство обязано доставить каждому безъ изъятія

гражданину воспитаніе, ибо не мѣстомъ рожденія, къ произволенію судьбы относящагося, государство доставляетъ гражданамъ своимъ благодѣяніе, но отечество обязываетъ къ себѣ благодарностію своихъ сыновъ чрезъ воспитаніе." Училища, открытыя коммиссіей, получали названіе „народныхъ", потому что доступъ въ нихъ былъ открытъ для всего народа безъ различія званія и происхожденія. Впрочемъ, за недостаткомъ преподавателей, этихъ народныхъ училищъ было открыто мало. Разумѣется, въ этой неудачѣ нельзя винить правительство Екатерины. Уже и то надо поставить ей въ заслугу, что новое дѣло было начато. Дальнѣйшее его развитіе лежало на обязанности ея преемниковъ. Надо помнить ту широкую программу внутренней и внѣшней дѣятельности, которую поставила себѣ Екатерина. При этой широтѣ намѣченной программы могла ли быть она выполнена во всѣхъ своихъ подробностяхъ въ одно царствованіе, въ какія нибудь три десятилѣтія? Важно уже то, что въ этой программѣ намѣчено было многое такое, чего раньше не было, но въ чемъ заключалась настоятельная необходимость. Важно уже и то, что были поняты, признаны и выдвинуты на первый планъ настоятельные запросы жизни, потребности времени, общественныя нужды.

Заботамъ Екатерины о просвѣщеніи русскаго народа вполнѣ соотвѣтствовали и ея заботы о развитіи русской литературы, для которой она служила вдохновительницей. Мы не будемъ перечислять здѣсь именъ прославившихся въ ея царствованіе писателей; скажемъ только, что въ ней нашло сильную и разумную поддержку то молодое направленіе въ нашей литературѣ, которое особенно содѣйствовало дѣлу развитія общественной мысли, общественнаго самосознанія въ Россіи. Мы гово-

римъ о сатирическомъ направленіи, самымъ виднымъ представителемъ котораго былъ Фонвизинъ. Изображая и оцѣнивая по достоинству различные недостатки нашего общества, сатирическіе журналы екатерининскаго времени (напр. „Трутень“ и „Живописецъ“ Новикова) и комедіи ставили своею задачей утвержденіе въ обществѣ, привыкшемъ къ матерьальнымъ взглядамъ на жизнь, къ интересамъ низшаго порядка, высшіе интересы, интересъ къ просвѣщенію и къ нравственному возвышенію человѣческой личности, заботясь въ то же время о томъ, чтобы общество усвоивало не одну только внѣшность европейскаго просвѣщенія, а его сущность, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не исчезало уваженіе къ національнымъ началамъ русской жизни.

Это уваженіе къ историческимъ основамъ русской жизни сказалось и въ заботахъ Екатерины о развитіи въ русскомъ обществѣ интереса къ прошлому, къ родной исторіи. По ея приказанію разыскивались древнія рукописи, собирался матеріалъ для исторіи Россіи и сама она съ особенною охотою занималась изученіемъ русской старины. Плодомъ ея занятій русской исторіей были, между прочимъ, двѣ историческія драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ и „Начальное управленіе Олега“. Въ этихъ драмахъ Екатерина хотѣла наглядно, въ лицахъ и событіяхъ, взятыхъ изъ русской исторіи, изобразить свои идеи о власти и управленіи. Рюрикъ, напр., является у нея государемъ мудрымъ и въ высшей степени гуманнымъ. Надъ бунтовщикомъ Вадимомъ (новгородскимъ княземъ, не желавшимъ подчиниться пришельцамъ варягамъ), онъ произноситъ судъ самый милостивый, по началамъ Наказа. Приведемъ изъ этой драмы одинъ характерный отрывокъ:

Рюрикъ.—Но пусть Рюрикъ въ сей день окажется,

каковъ онъ есть: онъ, видя винныхъ предъ собою, съ горячею ревностью возмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но кой часъ вина уже извѣстна, винной (виновный) изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію *[вынимаетъ мечъ изъ ноженъ]*, тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ непріятелей *[роняетъ мечъ]*, падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и *вижу въ винномъ я лишь человѣка*. Теперь судите сами, отдамъ ли я на осужденіе брата моего двоюроднаго, Вадима? Бодрость духа его, предпріимчивость, неустрашимость и прочія изъ того истекающія качества *могутъ быть полезны государству впредь*.

Вадимъ—[становясь на колѣни]. О Государь, ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдишь, ты дерзость тѣмъ же обуздаешь... Я вѣрный твой подданный вѣчно *).

Екатерина занималась литературнымъ и научнымъ трудомъ во всякое время, когда только была свободна отъ государственныхъ дѣлъ. Она часто замѣчала въ шутку, что дня не можетъ прожить не писавши, что не можетъ видѣть пера, особенно вновь очиненнаго, чтобы не обмакнуть его въ чернила и не ощущать того неодолимаго влеченія къ письму, которое она называла „лемономъ бумагомаранія“. Только этою необыкновенною легкостью и страстью излагать свои мысли перомъ и объясняется та удивительная масса всего, что Екатерина успѣла написать на своемъ вѣку: приказы, инструкціи, планы, сказки, разсужденія, комедіи, драмы, полемичес-

---

*) Кстати, Екатерина II-я первая распорядилась о томъ, чтобы въ прошеніяхъ на высочайшее имя подписывались не „рабъ твой“, а „твой вѣрноподданный“.

кія и сатирическія статьи, комическія оперы... Чего только не выходило изъ подъ ея пера! Ей, между прочимъ, принадлежитъ и честь перваго ознакомленія русскаго общества съ Шекспиромъ, пьесу котораго „Виндзорскія кумушки“ она передѣлала для русской сцены.

Словомъ, въ Екатеринѣ II-й XVIII-й вѣкъ нашелъ одну изъ лучшихъ своихъ представительницъ. Однако, въ концѣ ея царствованія мы замѣчаемъ уже реакцію. Екатерина состарилась; прежней отважности и энергіи не осталось и слѣда; появилась, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ событій французской революціи, недовѣрчивость къ передовымъ людямъ ею же созданнаго общества и тревожная подозрительность. Жертвою этой реакціи сдѣлались лучшіе люди ея времени: Радищевъ и Новиковъ. Въ 1790 году появилась книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, представлявшая яркую картину бѣдствій крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, различныхъ неустройствъ и злоупотребленій въ судѣ и администраціи. За это сочиненіе Радищевъ былъ наказанъ ссылкою въ Сибирь. Въ 1792 году посаженъ былъ въ Шлиссельбургъ Новиковъ, столь много послужившій русскому просвѣщенію, какъ первый въ Россіи журналистъ, касавшійся въ своихъ журналахъ разныхъ общественныхъ вопросовъ, возстававшій противъ крѣпостного права, противъ неправосудія и взяточничества судей, противъ недостатковъ домашняго и школьнаго воспитанія, содѣйствовавшій также и изученію русской исторіи своею „Древнею Россійской Вивліоѳикой“. Даже Державина она заподозрила въ революціонномъ направленіи за переложеніе 81-го псалма, озаглавленное „Властителямъ и Судьямъ“.

Такъ кончилось просвѣтительное царствованіе Екатерины II. Несмотря на реакцію послѣднихъ лѣтъ,

названіе просвѣтительнаго останется за нимъ въ исторіи. Съ этого царствованія въ Россіи начали сознавать значеніе гуманныхъ идей, начали говорить о правѣ человѣка мыслить на благо себѣ подобнымъ.

Но что болѣе всего привлекаетъ насъ въ личности Екатерины II, это тотъ свѣтлый, благородный оптимизмъ, который одухотворялъ всю ея дѣятельность и съ которымъ она смотрѣла на будущность Россіи. Относясь скептически, подъ вліяніемъ французской революціи, къ западному просвѣщенію, она возлагала большія надежды на Россію. Говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ о томъ, что западное просвѣщеніе въ сущности сводится къ резонерству, она восклицаетъ: „Настанетъ мелочной вѣкъ, до той поры, когда взойдетъ звѣзда Востока: да, оттуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо хранится подъ пепломъ силы и духа“.

Отсюда объясняется и главный мотивъ всей ея дѣятельности: раскрыть изъ пепла эти силы и духъ молодого народа и просвѣтить его истиннымъ, идеальнымъ просвѣщеніемъ.

Если подъ вліяніемъ французской революціи, на закатѣ своей жизни, она стала боязливо относиться къ движенію мысли, къ открытому, свободному ея выраженію, если такіе люди,—свѣтлые образы нашего прошлаго,—какъ Новиковъ и Татищевъ, руководившіеся тѣми же цѣлями, какія лежали въ основаніи дѣятельности самой императрицы,—подверглись гоненію, то этотъ печальный фактъ не можетъ заставить насъ забыть или умалить историческую заслугу великой русской императрицы.